

*«Свободный человек может быть свободным и в тюрьме,
а раб и на свободе остается рабом».*

Николай Левашов

СТАС СИМОНОВ

КНИГА ВТОРАЯ

КАК ВЫЖИТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ТЮРЬМЕ

25
ЛЕТ
ВАЛЕНТИНСКОМУ ДОМУ
ГОРЬКОЕ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Станислав Симонов

**Как выжить в современной
тюрьме. Книга вторая. Пять
литров крови. По каплям**

ИД «Городец»

2021

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Симонов С. Ю.

Как выжить в современной тюрьме. Книга вторая. Пять литров крови. По каплям / С. Ю. Симонов — ИД «Городец», 2021

ISBN 978-5-907085-73-2

Книга является логическим продолжением первой части. В ней можно найти большое количество оригинальных иллюстраций и уникальный жизненный опыт, который не оставит равнодушным даже скептически настроенного читателя. Книга содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-73-2

© Симонов С. Ю., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стас Симонов

Как выжить в современной тюрьме.

Часть II. Пять литров крови. По каплям

© Стас Симонов, 2021

© ИД «Городец», 2021

* * *

Предисловие

Перед вами – продолжение книги «Как выжить в современной тюрьме. Часть I». По сути это дневник, в котором прослеживается жизнь человека в пенитенциарной системе на протяжении десяти лет. Книга охватывает не только тюремный быт, но и существование в колонии и колонии-поселении. Здесь собрано множество личных впечатлений и реальных историй. Десять лет, все время пребывания в системе, я вел записи (набралось больше двадцати тетрадей), и из этого объема выбрал наиболее яркие и характерные. Образы, характеры, бытовые зарисовки и человеческая психология дают читателю возможность понять, как работает и существует человек в этих непростых условиях. Я постарался максимально честно передать свои впечатления и ощущения той жизни. Наверное, в книге много спорного, особенно в том, что касается переживаний и внутренних ощущений. Но в том, что относится к быту и человеческим типажам, все правда.

В книге много ненормативной лексики. Я понимаю, что это плохо, но описать эту сторону жизни, не прибегая именно к таким выражениям, часто просто невозможно. Мат используется не для эпатажа, а именно для понимания происходившего. Кроме того, в конце текста приведен еще один взгляд очевидца на эту малоизвестную сторону нашей жизни: я сохранил в нем авторскую пунктуацию и орфографию.

Эта книга не для любителей детективов и криминального жанра. Такой читатель не найдет в ней ничего интересного для себя. Детективная и криминальная литература – это, как правило, плод вымысла и не имеет к реальной жизни никакого отношения. Книга – для тех, кого интересует творчество Гиляровского, Дорошевича, Герцена. Я ставил перед собой задачу не развлечь читателя, а заставить его задуматься.

Это действительно по-настоящему выстраданная книга.

«Как выжить в современной тюрьме», безусловно, будет интересна тем, кто непосредственно сталкивается или уже столкнулся с российской пенитенциарной системой. Работникам этой системы она будет полезна в особенности.

* * *

Они кричали так громко и истерично, что, казалось, криком и истерикой подавляли свой страх передо мной. Меня арестовывало двенадцать человек.

Событие это походило на все что угодно, только не на реальность. Весь мир: город, улица, автобусы, машины, деревья, тротуар, темное небо – все это было словно затянуто полиэтиленовой пленкой, не очень прозрачной и не совсем чистой.

А окружающие и вовсе не обратили на это никакого внимания. Ну набежали невесть откуда взявшиеся люди, поорали, потыкали пистолетами, усадили какого-то человека в машину и увезли. И все. Словно ничего и не было. Как будто так и должно быть. Еще один штришок жизни города. Уличный музыкант привлекает к себе больше внимания, чем подобное. Кто его знает, что там было, может, они в шутку друг в друга пистолетами тыкали? Умри я там, было бы точно то же самое.

Я все думал, чего в этой сцене не хватало. Потом понял: не хватало музыки, соответствующей обстановке. Ну, как в кино.

...Все эти старые, давно всем известные, но все же до сих пор эффективные штучки. Добрый следователь и злой следователь.

Я пил кофе, а потом страшно об этом пожалел. Кофе подействовал хуже пива. Страшно хотелось в туалет, и от этого было ужасно неловко. Вытащили человека из его жизни, как

рыбу из реки. Он сидит на стуле, трепыхается, что-то из себя изображает, а на самом деле ему неудержимо хочется писать. И вовсе не от страха, а от кофе.

Дознаватель, судя по кожаному портфелю, указывавшему на его более высокую должность, чем у всех остальных, долго расспрашивал о достоинствах и недостатках американских автомобилей.

Удивительно, но камера в КПЗ имела не нары, а сцену. Туалет в подобных камерах даже не предполагается. Кто-то всю ночь «бурагозил» в обезьяннике. Похоже, взяли пьяного скандалиста.

Ровно ничего не чувствовал. Ни страха, ни холода, ни голода, ни жажды – ровно ничего. Только очень хотелось курить.

Петровка – место известное, снятое в сотнях фильмов, но мало кто знает, что в ее недрах есть тюрьма на пять этажей. Даже не тюрьма, а ИВС. Вот туда меня и привезли.

Когда по продолу вели арестованного, конвоир стучал ключами по тонкой металлической трубе, протянутой вдоль коридора на манер балетного станка. Сначала я не понимал, для чего, потом сообразил. Таким образом один конвоир давал понять другому, что кого-то ведут, – чтобы арестованные, не дай бог, не увидели друг друга.

С утра дверь открылась, и сержант злобно пробурчал:

– Ведро.

– Какое ведро? – искренне не понял я. – Мусорное, что ли?

У милиционера чуть ли не удар случился. Он покраснел, напрягся и злобно выплюнул:

– Сорное!

А снаружи Москва встречала Новый год. Взрывались петарды, слышались радостные возгласы, и наверняка где-то лилось шампанское. Жизнь продолжалась, но, увы, уже без меня.

На Петровке больше пяти дней в одной камере никого не держат. Переводят в другую. Вообще, в ИВС по закону запрещено держать задержанного больше десяти дней. Меня держали месяц. Шесть раз переводили из одной камеры в другую.

Сидеть в тюрьме всегда плохо и тоскливо. Сидеть в тюрьме в Новый год противнее и тоскливее втрое.

– Фамилия на С? – спрашивал милиционер в глазок.

Вызывали не по фамилии, а называли первую букву твоей фамилии. Ты должен был сам ее произнести, и если все совпадало, с тобой уже совершали какие-то действия. Вели к следователю или давали бумагу на подпись.

Через адвоката мне передали книгу «Китайская алхимия». Следователь, увидев название, с плохо скрываемым снисхождением поинтересовался:

– Что, помогает?

Химки-Ховринская ИВС по сравнению с Петровкой – это ночлежка в сравнении с пятизвездочным отелем. Помещение без туалета, на стенах – шуба, похожая на застывшие потеки говна и, что интересно, такого же цвета. Пять деревянных шконок. Ни белья, ни матрасов, ни подушек – это даже не было предусмотрено. Свет до того тусклый, что видны только очертания предметов. Малюсенькое окно с двойными пластиковыми стеклами, пространство между которыми почти до половины оконного проема завалено всяким мусором: пустыми пачками из-под сигарет, бычками и прочей чепухой. Что делается за окном, разглядеть физически невозможно. Еду приносят из ближайшего кафе, вместо ложек – дикого вида колпачки.

Зима кидалась снегом и в лицо, и в душу.

Имелась одна хитрость: дознаватели принесли бумагу, что меня отпускают, и тут же прямо в ИВС предложили проехать к прокурору. Он-де хочет меня увидеть и задать пару

вопросов. Я по глупости согласился. Потом у них долго не заводилась машина. Я мог бы запросто пересест в другую, но не стал этого делать. Почему? Да просто не думал, что такое возможно именно со мной. Сейчас бы я поступил по-другому. Но это было тогда. Между этими двумя словами – «тогда» и «сейчас» – прошло слишком много времени и случилось много разных событий.

– А кто его арестовывать будет? Кто конкретно в двенадцать ночи подпишет постановление об аресте? – спросил адвокат следователя.

– Я и подпишу, – ответил следователь.

– Но это незаконно! – вскричал адвокат.

– А вы жалобу напишете.

– А если его опять отпустят?

– Не волнуйтесь, сколько потребуется, столько раз и будем арестовывать.

Само очко в туалете находилось на возвышении. Этакий постамент высотой в метр. В двери же красовалось окно размером в два журнала. Окно располагалось прямо напротив очка. Таким образом, милиционер в коридоре мог наблюдать за арестованным, прямо за процессом, происходившим на этом своеобразном унитазе. Кто это придумал? Кто спроектировал? Главное – зачем? Эх, поймать бы дизайнера и отметить хорошенечко.

В ИВС – свои правила приема передач, поэтому за время сидения у меня скопилась масса пластиковых пакетов с продуктами и вещами. Как я с таким невероятным грузом дотащился до Бутырки, уже и не знаю. Видимо, сработал закон: своя ноша не тянет.

Потолки высокие, коридоры широкие и длинные, в коридоре ремонт. Бутырка раскрыла передо мной свои грязные объятия.

Меня приняло темное, слабоосвещенное помещение. В нос ударил резкий запах разлагающейся дряни. Из темноты контурами проявлялись шевелящиеся человеческие особи. Слева у стены, заваленной непонятным хламом, по звуку струящейся воды обозначился туалет. На сам унитаз кто-то набросил невероятно старую куртку. Естество требовало своего. Других вариантов не было. На свободе у меня никогда не получалось справить малую нужду на глазах у другого человека. Я всегда избегал этого, или терпел, или же пристраивался так, чтобы меня не видели, да и особой необходимости в этом не было. Ну кто в московской квартире или даже в общественном туалете будет наблюдать? Тут же в дверях обозначился глаз охранника, а со всех сторон меня буравили взглядами с десятков человек. Мочевой пузырь разрывался. Если я это не сделаю сейчас, то меня просто вернут назад... Подумать страшно. Преодолев стыд и безгласность, а заодно воспитание, я сделал усилие, и струя упала на куртку.

Неотвратимо и обреченно пришло утро. Что-что, а утро приходит всегда, как бы мы этого ни хотели.

В системе эту процедуру называют шмон, в официальных бумагах именуют личным досмотром, а смысл всегда один – обыск, обнаружение незаконных предметов и их изъятие. Казалось бы, что можно обнаружить у человека, которого продержали в двух ИВС, последний из которых – Петровка, где изымают все, что хоть как-то можно назвать незаконным. Я лишился шнурков, ремней, всего стеклянного, веревочного, ценного. Из ботинок изъяли супинаторы, упрямо именуемые в системе ступинаторами. Исчезли язычки от молний и даже металлические нашлепки на джинсах. Мой багаж составляли только тряпки, предметы личной гигиены, продукты, сигареты и книги. Наивный, какой же я был наивный! Представляю, как бы улыбалась моему появлению тюрьма, если бы могла это делать. Пятеро шустрых дядек с радостными криками «Это нельзя! О, нельзя, нельзя. Это запрещено, а это категорически нельзя!» за пять минут наполовину облегчили мои сумки. Исчезло все мясное, рыбное и консервированное. Прилично опустошенный, я был влит в человеческую массу вновь прибывших.

Активный грузин на «сборке» обратился ко всем:

– Тяжело же вам будет в общей хате!

Как будто ему там будет ужасно легко и он очень переживает за печальную судьбу остальных.

...И свет, свет, свет. В тюрьме свет не гаснет ни на минуту. Только здесь становятся понятны слова из песни: «Таганка, все ночи, полные огня».

И везде, буквально везде плавали, висели, лежали сгустки чужого горя. Стены просто сочились им. Наверное, от этого краска на стенах быстро линяла и шелушилась, как, бывает, шелушится лицо у больного псориазом.

Бутырский централ, Бутырскую крепость, проектировал архитектор Казаков.

Бутырский централ – тюрьма старая, известная, большая. Кто только в ней не сидел, каких только историй о ней не рассказывают – как сидели, как бежали, как погибали. Но сколько она сама может рассказать, это точно никому не известно. Жаль, расспросить ее некому. И про подземные ходы, по которым в старину зеков доставляли на каретах. И про Феликса Дзержинского во всех его ипостасях – и как сидел, и как бежал. И про охрану, и про печально знаменитого «черного продольного». И про... да много еще про что могла бы рассказать Бутырка в подробностях. Но она молчит. Молчит детище Казакова. Обычный человек никогда не задумывается, что рядом с ним, здесь, в обычной жизни существуют другие миры. Может так стать, что именно тебя они не коснутся, проплывут, пройдут мимо. Но случается, ты сам оказываешься втянут в орбиту этого другого мира. И тогда твои старые казавшиеся незыблемыми представления о жизни, ее проявлениях и ценностях вдруг резко меняются. Именно в таком положении я и оказался.

Молоденький с грязными белесыми волосами и массивным золотым перстнем-печаткой на пальце кум вяло пытался меня вербовать. Я вяло прикидывался дураком. Прокатило.

На ужин рыба. Дико вываренная, с метким местным названием «Братская могила».

«Матросская тишина» до революции – богадельня для пожилых моряков. Строили ее без всякого плана, по нужде достраивали и пристраивали, и получилось то, что получилось, – маленький городок для заключенных почти в центре Москвы.

А еще их всех, я имею в виду охранников, нужно очень, очень упрашивать. И тон при этом должен быть крайне жалостливый, просительный и нечеловечески убедительный.

– Ну пожалуйста, по-жа-луй-ста, старшой. Возьми деньги и сделай мне самую малость.

А он в ответ улыбается, как Мона Лиза, так же загадочно, с некоторой гадостностью и, как правило, отвечает:

– Не положено, – и при этом смотрит, сволочь, пристально и внимательно.

А ты ему:

– Ну пожалуйста, старшенький, будь человеком, помоги, выручи.

– Не положено... – И опять внимательный и загадочный взгляд.

А ты опять заводишь свою шарманку:

– Ну, выручи. Очень нужно! Прямо позарез. Пиздец как надо.

– Нихуя. Нельзя, запрещено.

А сам, гад, не уходит. Ждет. И тебе деваться некуда, а это значит – еще жалостливее, еще убедительнее:

– Ну, старшенький, будь любезен, пожалуйста!

Но вот в его глазах что-то дрогнуло, что-то там внутри сработало, шелкнуло, и он мило-стиво соглашается:

– Хуй с тобой, помогу тебе. В последний раз. Давай свои сраные лавэ, но быстрее. А то тут... могу передумать.

Большинство сокамерников – бесцветные лица, пустые, как мыльные пузыри, оболочки человеческих тел. Как пришли, так и ушли. Большинство в силу их пустоты и запомнить вряд ли можно.

В тюрьме происходит массовое отупение. Камера – словно общий вагон остановившегося в темноте поезда, где каждому наплевать на судьбу случайных попутчиков.

Тюрьма – это гигантский сгусток отрицательной, грязной энергии, разрушающей психику как заключенных, так и тюремщиков. Нельзя ставить вопрос, заболеет человек в тюрьме или нет. Это неправильно. Вопрос нужно ставить так: на каком месяце начнут барахлить печень, сердце, мозг?

Именно находясь за решеткой, Ганди впервые сформулировал основы своего учения, всколыхнувшего не только Индию, но и весь мир. Ничтожные мелочи ранят сильнее, чем целенаправленные серьезные удары судьбы.

Подобрать хорошего адвоката так же тяжело, как откопать останки динозавра в предгорьях Памира.

Большинство зеков верит только в то, что можно пощупать руками. Все остальное воспринимается не иначе как чушь. Им показывают выход, но они не хотят его видеть. Им предлагают помощь, но они упрямо отказываются от нее.

Это такой закон жизни: расслабился – получи.

Двойственность в литературе и кинематографе дает чувство объема. Если персонаж, совершая простые действия, еще делает что-то: думает, параллельно занят другим – это и придает ему объемность.

Под Новый год пролился дождь,
Залив водою куртку,
Как будто бы небесный вождь
Решил сыграть дурную шутку.

Предлагал работу в офисе, находил желающих, говорил, что контора только организована и сейчас идет создание офисной базы. В частности, необходимо закупить мониторы, компьютеры, телевизоры и другую оргтехнику. Человек на работу принят. Ему выдавались деньги, якобы аванс, и он приобретал в кредит на свой паспорт дорогую аппаратуру. Привозил в офис, после чего офис исчезал вместе с аппаратурой. Аванс составлял десять-двадцать процентов от реальной стоимости того, что закупал будущий работник. Вменяют десять случаев.

В течение трех-пяти лет составлял базу купивших квартиру и сделавших евроремонт. Выбирал, как правило, женщин. Переодевался в милицмейскую форму, убивал выстрелом в голову, забирал все имевшиеся в доме деньги. Под контроль были взяты все возможные варианты. Отслеживались звонки из автоматов. А звонил он в основном с городских телефонов, делая несколько предварительно пустых звонков. Арестовали как раз через телефон. Взяли с оружием, фальшивыми документами и в форме. Признался во всем. Боялся, что его закажут в тюрьме. Говорил об этом следователю. Повесился в камере. Официальная версия – самоубийство.

Многочисленная группа. Подделывали косметику. Во флакон наливали жидкость и парфюмерные отдушки. Прибыль составляла от трехсот процентов. Работали на закрытом обо-

ронном предприятии. Заработали около трех миллионов долларов. Их взяли только через год. Брали на закупке образцов.

Группа из пяти человек. Создавали фальшивые турфирмы, брали деньги под изготовление паспорта, на получение визы и предоплату за туры. Набрав некоторую сумму, фирма исчезала.

Для желающих устроиться на нормальную хорошо оплачиваемую работу проводили тесты, затем под предлогом покрытий почтовых расходов с каждого брали небольшую сумму. По официальной версии, успели надуть порядка двух с половиной тысяч человек.

Группа хакеров занималась возвратом средств за товар, купленный через интернет. Покупки производили по краденым данным, но деньги переводили на другой счет. Стоимость покупки не превышала двадцати-тридцати долларов. За такие деньги особенно никто и не бодался. Вычислили очень просто. Бедные студенты тратили огромные деньги на очень дорогие вещи, предметы роскоши. Швейцарские часы и тому подобное. Сдали их охранники супермаркета, заподозрившие неладное после очередной покупки дорогостоящей безделушки.

Подставное ограбление. Профессиональные милиционеры сами организовывали три-четыре ограбления с помощью крота, внедренного в ими же созданную банду. Последнее ограбление по их же наводке фиксировалось на пленку. Всех арестовали. Крота не выпустили, на него также вешают ограбление.

Сопливым червем ползет время, оставляет за собой засыхающие следы прошлого. Раньше меня очень волновало, как я расту, в чем совершенствуюсь, в какой-то момент мой рост даже стал пугать. Тогда возникла мысль: неужели есть еще кто-то, кто так же активно совершенствуется, как я? Затем наступил провал. На годы затянувшаяся пауза. И тогда показалось: наступил момент деградации. Сейчас одно, но конкретное желание: чтобы это все как можно быстрее закончилось. А что дальше? Черт с ним! Буду просто жить. Но это если повезет, конечно.

Обладал широкой душой, но растратил ее по мелочам.

Сегодня была последняя встреча с адвокатом Аллой Леонидовной. Женщина она приятная и оказала посильную помощь, но в глазах ее я читал полное неверие в то, что меня могут оправдать. Это и дураку понятно, стоит только ознакомиться с делом. Любопытно другое: она совершенно серьезно утверждала, что судья дело читать не будет. Они, мол, вообще дела не читают. Пользуются только теми доказательствами, которые им предоставляют непосредственно в ходе судебного разбирательства, и обвинительными заключениями. Если это так, то теперь все зависит непосредственно от судебного шоу, но и, конечно, от многих других обстоятельств. Адвокат считает, что если будет отсутствовать главный свидетель, то нам это только на руку. И, конечно, показания Дена. Не будь их – вообще бы ничего не было.

Прочитал «Голубое сало» Владимира Сорокина. Хорошо работает с чужим словом, но своего лица нет вообще. Все какое-то подобранный. Как случайный дешевый реквизит во время репетиции в театре. Что-то есть, но ничего своего. Берутся герои и кидаются в надуманную ситуацию. Характеры не прописаны вообще. Вожди, такие как Сталин, все, как на подбор, красавцы и статные мужчины, только вот зачем? Это потому что гомосеки? Так они и не все сплошь статные. Бывают очень разные.

У наркоманов, внутривенно употребляющих героин, большие проблемы со стулом. Он редок, и все, что покидает тело, покидает его с большим трудом, потому как каловые массы твердеют. Запор – обычное явление у этой публики. Они сильнейшим образом потеют по ночам. Пот настолько обилён, что белье в буквальном смысле намокает. От тела начинает сильно пахнуть аптекой или химией.

Запах в квартире варщика «винта» сильнейший. Специалисты утверждают, что в подъезде по такому запаху можно запросто определить квартиру «повара».

«Качели» – одновременный прием внутрь винта и героина.

Если слюна попадает в вену, то тряханет так, что мало не покажется. То же происходит от попадания в кровь различных жиров.

Зрачок у принявшего дозу героина резко сокращается, речь замедляется, тембр понижается. Голос становится тяжелый, глухой и невнятный. Такой человек может начать вырубаться в любом, даже крайне неудобном положении. Внешне он как бы засыпает, может политься слюна. При оклике вздрагивает и быстро приходит в себя. При ежедневном приеме наркотика (это называется «сидеть на системе») для получения удовольствия необходимо все время повышать дозу. Прежняя уже никак не дает кайфа, а отсутствие дозы приводит к натуральной физической ломке, выражающейся в дикой боли в суставах и во всем теле. Суставы как бы выкручиваются, и человек не находит себе места. Терпеть такое состояние крайне тяжело. Любой наркоман обладает удивительной, прямо-таки животной хитростью. Что бы он ни говорил, что бы ни обещал, все его действия сводятся к одному желанию – «двинуться». Массово встречаются случаи, когда, пообещав близким, что он завязал, наркоман втайне продолжает «двигаться». Один умудрялся употреблять героин, прикованный наручниками к кровати, второй делал это с помощью товарища в момент выбрасывания мусора в мусоропровод в подъезде. В такие моменты взаимовыручка наркоманов крайне высока. Но только в эти моменты: во все остальные такой человек за дозу может сделать что угодно.

Употребляющий «винт» на «системе» через три-четыре года практически лишается мозга. Идет интенсивное отмирание клеток, его усыхание.

Здесь неудобно все: стоять, сидеть, лежать, спать, есть, ходить в туалет, разговаривать. Читать и тем более писать. Если ты не спишь, то кто-нибудь обязательно заденет твои ноги. Длина шконки меньше моего роста, а рост у меня метр девяносто. Согнул ноги, через пару часов они затекли. Уснул – покусали клопы, или какой-нибудь доброхот с воплем «Ты отдыхаешь?» будит тебя и зовет к смотрящему по камере или задает идиотские вопросы. Просто встать и стоять столбом на месте? Так этого места, во-первых, нет, а во-вторых, тебя непременно с него сдвинут. Во время еды и вообще около «дубка» тебя всенепременнейше кто-нибудь заденет. «Дубок» – это шленки и пища, а значит, центр мира. Во время разговора с кем-нибудь тебя обязательно подвинут, или «притрут уши», или влезут в разговор со своей мыслью или просьбой. Или появится человек по прозвищу «Дай». Здесь братъ, распределять, пользоваться и поглощать готовы все. Все без исключения.

Ты ждешь очередь в туалет? Обязательно перед тобой влезет братан, которому очень срочно надо. Используешь, не дай бог, чужой телефон? Тут как тут появится кто-нибудь с наисрочнейшим делом или возникнет очень важный разговор на два часа. О чем можно говорить с волей два часа при условии, что ты здесь уже шесть месяцев, год, полтора года? Ну вот о чем? Это мельтешение, этот человеческий муравейник утомляет настолько, что я с трудом сдерживаюсь. Какие же тупые и психически неорганизованные люди космонавты, если у них в подготовительный период во время проверки на совместимость возникают конфликты? Здесь все несовместимо со мной, буквально все! Нет даже одного квадратного метра пространства, в которое можно было забиться так, чтобы тебя не трогали. А если еще добавить психологическое давление со всех сторон, наличие делюги, финансовые проблемы на воле, конфликты с близкими и полную физическую беспомощность, то хочется повеситься. В буквальном смысле слова. Но самое важное – полная неопределенность. Сколько еще ждать, месяц? Год? Десять лет? А эти лезут, лезут и лезут со всех сторон.

Видимо, я все же способен провоцировать ситуацию. Как только я иду в туалет, практически в любое время суток в восьми случаев из десяти, только я раскорячусь, буквально тут же появляется кто-то из братвы с вопросом, как долго. Что это, мистика? Я уже ловлю себя на мысли, останавливаю мысли, ничего не думаю, захожу, сажусь и тотчас – на тебе, получай.

Поговорил наконец с Татьяной Павловной. Марат в городе Пушкин, в больнице. Как она сказала, находится на излечении. Как это понимать? Он избежал наказания? Или это только отсрочка?

Дом в трещинах-морщинах, потолок шелушится, а на стенах экзема.

Жара, невыносимая, грязная, пыльная, неистребимая, наконец сменяется прохладой. Иногда слышен ливень. Его практически не видно. Так, кусочек неба, кусочек ливня, кусочек воли и много-много тюрьмы. Появились следы водянки. Будет жара, будет водянка. Нижняя губа лопнула. Начал активно пить витамины, вроде бы поджигает. Но тут это так, вскоре опять лопнет. Телевизор смотреть просто невыносимо – одни знакомые рожи. За что все это мне? Все мои знакомые упрочивают свои позиции на телевидении, в театре, в кино, в литературе и газетах. Я же сижу в тюрьме. И, как всегда, ничего не успел сделать. Обидно.

30 мая. Время тянется, как резинка от трусов. Как жвачка, ничего не давая, только отбирая: нервы, здоровье, время. Голову перестали посещать мысли. Даже стихи не приходят. Да и откуда им взяться в такой обстановке? Вот, может быть, завтра закрою дело, и дальше – ожидание суда. Ожидание суда, ожидание туда – опять сплошное тягостное ожидание. Скорей бы все это закончилось. Бы! Бы! Бы! Все время будущее. Когда же оно перейдет в прошлое?

Лохматое, рваное солнце, тяжело продираясь сквозь тучи, ползло по небосклону. Его ошметки падали на стены, влетали в окна, а один, нелепый и малый, влетел в камеру. Вот уже и лето. Второе лето. Сколько еще придется считать сезонов через решетку камеры?

1 июня. Закрыв дело.

- Зачем, товарищ следователь, вы написали на меня столько жалоб?
- Это не жалобы.
- А что же это, по-вашему?
- Мне же надо было чем-то жопу прикрыть. А то ведь меня нагибают и ебут.
- И вы об этом так спокойно говорите?
- Да, а что? Один раз не пидорас. Потом вжик, вжик – и мужик. Ха-ха.
- Не хотелось бы, чтобы меня трахали на работе.
- А что же, служба такая.
- Ну, значит, нравится она, служба эта, раз вы работаете.
- Ничего, нормально.

Не верь, не бойся, не проси,
И чашу эту мимо пронеси.
О боже! Отведи предательство друзей!
Врагов моих убийственных затей,
Спаси и отведи неверность жен,
Чтоб не был я болезнью поражен,
Убереги от безучастия детей,
Продли жизнь матери моей,
Спаси от безразличия людей,
И от жестокости моих судей.
Прошу немного для себя:
Дай жить остаток дней, любя

Достаток хлеба, волю и покой,
А после смерти душу успокой.
Спаси господь меня и сохрани
И чашу эту мимо пронеси.

В конце жизни он сошелся с одной «заочкой». И знаешь, что его стубило? Рядом была станция, и поезда: «У! У! У! Ду! Ду!» Он вдруг встает и собирается, она его спрашивает: «Ты куда?» «Так зовут же меня, – отвечает он, – не слышишь разве? У! У!» Ушел, не выдержал. А другой рассказывает: прожили мы с ней два месяца, потом ушла. Почему? Не знаю. Все вроде было: чай, курить, глюкоза. Че ей еще? Не знаю.

Телевизор страшно искажает представление о жизни. И как следствие – саму жизнь. Насмотревшись телевидения, многие перестают адекватно оценивать реальность. Легкость драк, убийств, грабежей, за которыми ничего не следует, кроме музыки или отвлеченных картинок. Все это дико искажает картину. Огромное количество киновыстрелов, кинодрак и киноубийств замыливает глаз и воспринимается как легкость бытия и как следствие жизни. Телевидение – ужасное зло для неразвитых мозгов.

Грязные, серые, рваные облака, похожие на клубы древесного дыма, как-то толчками двигались по небу. В их разрывах мелькало чистейшее голубое небо.

Вялые, короткие, с каплями кусочков воспоминаний мысли хаотичной толпой теснились в его голове. Мысль рождалась, тормозилась в развитии и с треском шоколадной плитки лопалась, разлетаясь по сторонам, и исчезала. Из массы мелких осколков вспыхивала очередная цветная картинка прошлого. Застывая на мгновение, она вызывала острые противоречивые чувства с привкусом обиды и исчезала вихрем других осколков. Превратить начало мысли в нечто осознанное и сформировавшееся не было никаких сил. Хотелось забиться в тихое место, закрыть глаза, чтобы никого не видеть и, главное, чтобы никто не трогал, не дергал, не задавал идиотские банальные вопросы. Но это было невозможно. Вихрь обрывков мыслей и фрагменты воспоминаний продолжали крутиться в голове.

Пища перестала существовать, хотя время от времени появлялось чувство голода. Просто хотелось есть. Неважно что, плоть требовала пищи. Примитивное животное желание било по организму изнутри. Тогда он брал отвратительный пайковый хлеб и разбирал на составные части. Грязно-серая мякоть, похожая на глину, выбрасывалась. Оставались только корки. Их он и ел, запивая чаем, тогда голод отступал. Через несколько месяцев баланда – отвратительное варево с непременно перловкой или квашеной капустой, густо сдобренное непонятным, скорее комбизиром, – казалась вкусной и желанной.

Ужасные, огромные, прямо-таки коллекционные клопы уже не вызывают омерзения, какое появлялось раньше, в первые дни. Теперь клопы воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Они, конечно, гадость, но неизбежная. Кожа от них по-прежнему вздувается волдырями, но усилием воли я приучил себя терпеть и не расчесывать места укусов. Такое расчесывание всегда приводит к незаживающим гниющим ранам. У некоторых такие раны не проходили месяцами, а плоть на месте расчесанного укуса прогнивала на глубину до нескольких сантиметров. Никакие таблетки и мази не помогали. Или воздух в тюрьме специфический, или медикаменты просроченные, возможно, виновато общее ослабление иммунитета, а скорее всего – все вместе. Такие раны обильно сочились сукровицей и доставляли массу неудобств. А неудобств и так было немало.

Все, все буквально пропитывает мерзкий запах: смесь запаха давно не мытых мужских тел, табака, баланды и застарелого человеческого горя.

Местные клички: Кувалда, Топор, Торпеда, Шер, Краб, Череп, Самурай, Уйгур, Доктор, Дядя, Солдат, Кок, Спорт, Рембо.

Самые дорогие часы в мире: Henry Graves Supercomplication Patek Philippe 1934 года. Их купили 2 декабря 1999 года за один миллион долларов. Купил музей часов Patek Philippe. Их делали с 1928 по 1934 год. 24 функции, то есть почти все, что было сделано за время существования механических часов. Часы карманные, вес 535 граммов.

2 июня. Вчера брата посадили в карцер. Пока непонятно, за что и на сколько. Если на 15 суток, то 16 июня выйдет.

Колесо жизни скрипит и движется. Все время обозначаю какие-то сроки. Я живу, двигаясь к ним. Какой еще срок обозначить? День своего рождения – маловато, слабо верится, что что-то может решиться за два с половиной месяца. Стоит, наверное, выбрать 1 января. Итак, осталось семь месяцев.

Архетип трех мушкетеров – три богатыря. Три мушкетера – это архетип гардемарин и, возможно, с некоторой натяжкой, персонажей «Трое в лодке, не считая собаки», а уж три танкиста – это стопроцентные три мушкетера того периода.

Двое однокамерников плетут канат, третий второй час на них смотрит.

– Ты Санек, тоже не стой без дела. Иди хоть хрен подрочи на дальняке.

3 июня. Замелькали летние часы, поедая день за днем. Лето. Я раньше очень любил это время года, ждал его прихода. Радовался, находясь в нем. Сейчас бы легко поменял лето на любой другой сезон, лишь бы приблизить развязку. Каждый день занимаюсь спортом. Начинать с того, что не мог подтянуться вообще. Сейчас подтягиваюсь хватом «руки на себя» десять раз, хватом «руки вперед» – двенадцать раз.

Стереотипы мышления ведут к стереотипам поведения. Стереотипы мышления неизбежны и появляются от лени, от ограниченной фантазии и, конечно, от неразвитого ума. Я это пишу и прекрасно понимаю, что сам ленив до чрезвычайности.

Все стены на МТЦ больны псориазом. И внутри, и снаружи.

Кроха рассказывал, как первый раз за ним пришли и он спрятался от милиции, стоя за открытыми дверями. Все обыскали, а его не нашли. Ушли, а он взял рюкзак и уехал в Крым. Он никогда не видел моря. И, понимая, что его рано или поздно арестуют, поехал в Крым, где несколько месяцев пешком бродил по крымскому побережью.

Тихо-тихо, так, чтобы никто не слышал, он доверительным шепотом говорил:

– Что только не делал: мух глотал, ногу ломал, солью натирался, в результате хрен. Ничего не помогло. Обратно с больнички подняли.

Прошло три дня. Шепот продолжился:

– Жопа, не поверите, сочится. Показать?

– Ни в коем случае.

– Хорошо, потом покажу. Нога опухла так, что не сегодня-завтра ходить не смогу, слягу. Показать?

– Ни в коем случае.

– А главное, отношение и окружение – чистый дурдом.

Еще один бесцельный день прошел,

Бессмысленный, холодный и тоскливый,
Я в памяти искал и не нашел
Пророческие знаки, стержень молчаливый.
Еще одна конструкция печали,
Рождение дня и умирание солнца,
Уныло галки прокричали,
И ночь уперла взгляд в оконце.
Держу надежду или за нее держусь,
Я знаю, надо жить, но для чего, не знаю,
Любимых вспоминаю и молюсь
И медленно в пространство уплываю.

4 июня. 88 дней до конца лета. Была баня. На удивление грязное помещение с полом, на два сантиметра покрытым водой. Абсолютно ржавые крючки для одежды, грязные, никогда не мытые лавки, облезлые стены с отвалившейся плиткой. Из десяти ламп работало только три, да и те давали тусклое освещение. Допотопные соски в душе, извергающие либо мощную струю, либо редкий дождик, либо ничего, кроме пары капель. Несмотря на все это, баня – это возможность помыться. Пусть даже в таких диких условиях, но очистить тело от грязи. И это можно сделать только раз в неделю.

А на воле мочат, душат, давят, закапывают, раскапывают и вновь закапывают. Освобожусь – сяду в угол и ни в коем случае из дома выходить не буду. Уж больно страшно ходить по улицам, когда вокруг такое количество бандитов и грабителей. По всем телеканалам каждые два часа показывают криминал. Ну сколько можно. Особенно актуально это смотреть, сидя в тюрьме.

5 июня. Раньше я думал так. Вот откроются двери, зайдет милиционер и громким красивым голосом спросит: кто тут Симонов? На выход. Вы свободны. Все разъяснилось, зло наказано, добро восторжествовало. Время шло, двери открывались и закрывались ежедневно, милиционер заходил регулярно и не один, но заветное «Симонов, ты свободен» не звучало. Зло упорно не наказывалось, а добро упрямо не хотело торжествовать. Сейчас же это чувство притупилось. И выход на свободу становится все прозрачнее, все нереальнее. Видимо, те, кто занимаются вопросами справедливости, никак не могут найти милиционера с красивым голосом.

Пойду, посижу на спине.

Хорошо, что в последнее время уже не испытываю чувство голода. Вопрос даже не в том, что есть, а в том, что ёсть. Что можно есть. И самое главное, что это не баланда.

7 июня. До конца лета осталось 85 дней. Насчет тибетской «Книги мертвых». Это натуральное пособие, где записаны тексты, зачитывающиеся умирающему и покойнику в течение четырнадцати дней после смерти. Для того чтобы покойник мог ориентироваться в состоянии бардо. Это состояние между этим миром и тем. Книга склоняет мертвеца к необходимости отказа от выбора пути перевоплощения в новом теле. Совершенно непонятно почему. Аргументация весьма слабая. Но сама мысль потрясающая: способность звуков влиять на вещи и события. Секрет только в чистоте, диапазоне и длине звукового ряда. Для этого и существуют тантры (молитвы, заклинания, и т. д.), произносимые в определенной последовательности и определенным способом. Нарушение этой последовательности приводит к полному

отсутствию эффекта. Точное соответствие дает удивительные результаты. Поэтому методика чтения и произношение таких текстов держатся в строжайшем секрете. Теперь многое становится понятным, включая и мое «обращение» к воде.

Футбол – это эрзац интереса. Искусственная подмена настоящего, реального живого интереса интересом искусственным. Подмена дешевая и общедоступная. Человек по своей природе не может не интересоваться чем-либо. Одни творят, другие коллекционируют, третьи изобретают, все же остальные, не способные на это – ленивая, глупая, жадная толпа. Но им тоже хочется интересоваться, но не прилагая при этом усилий. Вот пожалуйста, для них телевизор, интернет и печатные издания, а в них спорт, например футбол. Хотя это может быть и баскетбол, и хоккей, и бокс, что угодно спортивное, а любое спортивное мероприятие всегда дает обширную пищу поговорить и «поболеть». Самое важное, что этот эрзац понятен всем. Почти везде тебя поймут и почти везде поддержат разговор на эту тему. Важно, что болеть спортом удобнее всего дома, в кресле с выпивкой и перед телевизором. Натуральная жвачка для ума.

...И все, ну совершенно все мажут зеленкой. От малой царапины до прыщика, от аллергической болячки до грибка ног, от синяка до непонятно отчего опухшей ноги. Но зеленка здесь на удивление мерзкая. Кажется, разбавленная водопроводной водой или, может быть, ужасно древняя, изготовленная самим товарищем Зелениным еще при жизни.

9 июня. Брата должны выпустить послезавтра вечером. Уже неплохо.

Здесь нет законов.
Поняття есть и «положняк»,
И справедливости решетчатый остов,
А в место удовольствия «ништjak».
Обычные, простые силы истончились,
Вокруг лишь «преданные силы».
Надейся, веруй и молись,
Как вариант могилы,
Кого положат, тот лежит,
Кто сел, тот и поедет,
Недвижимый трамвай бежит,
В нем время тихо бредит.

Отжался набором за час прогулки триста семьдесят раз. На воле бы такую спортивную форму. Парадокс: спортивная форма есть, а воли нет.

А вокруг как норма грабежи, разбои, трупы, вещдоки, свидетели, терпилы, мусора, опера, судьи, суды, автозаки, конвоирки, конвойные, выводные, корпусные, ДПНСИ и камеры, камеры, камеры... Кажется, никогда больше детективы и криминальные произведения читать не смогу.

Этот муравейник отягощает мой мозг. В голове даже не винегрет от всего этого, а мелкая шинковка. По телевизору каждый час, как дубиной – криминал во всех видах.

Подозреваю, что на центральной появилась «обезьянья оспа». Гадость сродни атипичной пневмонии, вот от нее и гниют люди. Возможно, это похожая на оспу тропическая гадость. Кто знает? Кто это изучал? Кому это надо?

11 июня. Сегодня брата отпустят из карцера.

Время, время, что это? Что оно, как оно, что оно делает? Оно бежит, летит, скачет, прыгает. Я его глотаю, пью, вдыхаю. Или оно меня пьет и ест. И вот странность: оно бежит, а ничего никуда не двигается. Или это кажется только мне? Вот что значит отсутствие цели. Определили бы дату, стало бы проще. А так неясность и пустота. Пустота и тишина, и в тишине клубятся мрак, боль, ненависть, тоска. Плотный, мохнатый, сальный дым тюрьмы.

Подтянулся тринадцать раз. Хочу выйти на пятнадцать. Фигуру приобрел спортивнейшую, жалко, не для кого. О чем это говорит? О том, что в основном все это делается сначала для других и только через них для себя. И так практически все, что делает человек в жизни.

Результат – это много-много раз по чуть-чуть.

11 июня. Брата подняли с кичи, и в этот же день я получил постановление о назначении предварительного слушания.

– Что это? – показываю таджику на его мешок.
– Соль.
– Какая же это соль, это героин.
– Да? – удивленно. – А я эту соль всегда в еду добавляю. Вот уже двадцать лет как. И отец, и брат.

14 июня. Шесть дней до суда. «Швондера» не будет, а будет какая-то женщина. Ожидать от суда, говорят, нечего, принимая во внимание, что «Швондер» в отпуске. А это верные два месяца. Вполне возможно, что следующее заседание будет только в конце августа или в сентябре. Похоже, еще два года придется отдать этой системе.

17 июня. Из достижений. За прогулку отжался пятьсот раз. До конца лета – семьдесят пять дней. Забрали Дато, жаль, хороший человек. Редкий случай здесь. Вчера с небес упал «грев». Крайне вовремя, так как опять ничего нет, ни сигарет, ни еды.

19 июня. Отчаянно хрюкая, хлопая ушами по бокам, в кормушку пролез «кабан». Передача воспринимается как кусочек свободы.

В ожидании своей судьбы можно состариться.

21 июня. Вчера был суд. Предварительное слушание. Ровно ничего. Перенесли на 1 июля. Суд производит безнадежное впечатление. Какая-то тугая, тупая масса впечатлений и ощущение такое, что сейчас вот-вот – и все расхохочутся.

27 июня. Вчера в камере был шмон. Сперли пачку «судовых» сигарет. Початую. Несчастные люди, остается только их жалеть. Хочется курить, а хороших сигарет у них не было, нет и, похоже, никогда не будет. И где взять? Только в камере. Заодно там же можно найти хороший крем и дезодоранты.

В камере обитает человек со страшной вмятиной в голове. Последствие какой-то травмы. Когда побрили голову, вмятина обозначилась еще сильнее. Совершенно непонятно, что там с его мозгом, да и есть ли он там вообще. В психушке был признан совершенно нормальным.

4 июля. Дневник пустой, как барабан, как тюремная «сборка» до появления на ней зеков. Событий нет. Однако за это время написал три заявления по делу «оборотней в погонах». Пока реакции никакой, но должна быть, судя по тому, как за них взялись. Они же состряпали наше дело. Это не должно пройти незамеченным, хотя у нас бывает так: особняки есть, доллары есть, оружие есть, свидетели есть, потерпевшие есть, а с доказательной базой слабовато.

Заехал пастор, баптистский, говорил о боге, о грехе. Добрые люди положили его на свою шконку. Пастор все же! Выяснилось, что у пастора полно вшей. Не помогло слово божье ни от вшей, ни от тюрьмы. Рассерженные добрые люди долго кричали на божьего человека. Потом чуть ли не силой заставили мыться. Пастор, мать его!

Новичок. Старый, ростом с сидячую собаку, причем не очень большую. С лицом очень пожилым и тертым. Со стальной вставной челюстью. Утверждал, что прежнюю, золотую, жена успела заложить в ломбард. Шепелявил, играл в шахматы, богатырски храпел. При ближайшем рассмотрении возраст старика оказался пятьдесят три года. Наверное, мой дедушка, если бы был жив, выглядел бы моложе. Забавный старый и статья забавная, 105 (убийство).

Уже большой котенок. Все время пристраивался к мамкиной сиське. У тюремной кошки давно уже прогоркло молоко, и она раздражительно его отталкивала, сама норовя пристроиться к миске.

Заехал крайне небольшого роста азербайджанский мужчина. Крепкие мышцы рук, выпуклые грудные мышцы, внушительные плечи. Одно слово – крепыш. Прошло две недели, и у крепыша вдруг вывалился живот, такое мощное брюхо у него обнаружилось, на удивление. Вот что баланда с человеком делает, чудеса. Так и ходит теперь: крепкие мышцы рук, крепкие плечи и вывалившееся брюхо.

6 июля. Спина продолжает болеть. «Шер» два раза делал массаж. Я чуть не помер от боли. Плохо болеть. А в тюрьме особенно плохо. Лекарств нет, врачи лепилы, ничего нет.

Пишу плохие стихи. Сам понимаю, не очень. Однако прячусь за них. Немного помогает. Писал бы роман, но совершенно нет никакой возможности.

Квадрат Удмурта равен сумме квадратов двух чувашей. Мордовская гипотенуза равна сумме уйгурского квадрата катета.

9 июля. Начала проходить спина, но меня всего покусали клопы. Не клопы – монстры! Все, как на подбор, огромного размера. В основном самки. Я дошел до совершенства, различаю уже клопов женского пола и клопов мужского пола.

10 июля. Адвокат опять надул. Обещал – не появился. О боги, боги, вы явно отворачиваетесь от меня.

Случайность является результатом не только нашего незнания бесконечной сложности мира и ограниченной точности измерения причин, но и соотношения неопределенностей (термин Гейзенберга).



Точность определения одного из двух параметров микрочастицы (исходя из ее положения и скорости) зависит от точности определения другого параметра. Это означает, что чем точнее будет определен один параметр, тем больше составит неточность в определении другого параметра. Оба же параметра с необходимой высокой точностью определить нельзя. В этом и состоит природа микромира. И никакая развитая техника измерения не позволит увеличить эту точность, так же как никакое развитие науки никогда не позволит нам активно вмешиваться в прошлое.

Микрооснова нашего мира случайна и опирается на соотношение неопределенностей.

Всякая экстраполяция будущего имеет принципиально случайный характер. Этот принцип действует на атомном уровне.

Случайность нашего мира держится на трех китах:

на принципе неопределенности;
на неисчерпаемости вселенной;
на ограниченности человеческих возможностей в данный момент времени.

Мир Лапласа: мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие ее предыдущего состояния.

Мир Лапласа – не что иное, как фильм, записанный на бесконечной ленте.

Второй закон термодинамики.

Закон хаоса, закон сатаны.

Каждая замкнутая система, то есть полностью изолированная и ничем не связанная с другими системами, стремится к своему вероятному состоянию – к хаосу.

В технике – амортизация.

В биологии – старение.

В химии – деструкция.

В социологии – разложение.

В истории – распад.

В тюрьме – понятия.

Энтропия – мера хаоса. Старение – типичный процесс повышения энтропии.

27 июля. Крайне жарко. Кашель. Резина времени продолжает тянуться. Паутина грязными соплями свисает со стен.

У Вани-узбека из кармана на пол выпала малява. Если бы эту выпавшую маляву нашли другие, его бы прессанули. Я, объяснив ему, что он дурак, отдал маляву ему в руки. Он хитро улыбнулся, обнажив золотые зубы, и сказал:

– Э-э-э! Ты, наверное, у меня эту маляву из кармана взял!

То есть узбек не поверил, что эта малява выпала из его кармана и что за это его могли прессануть. Ну и дурак же я!

По их понятиям, хороший человек – тот, который не прячет зверя, сидящего внутри него. Тот, кто старается казаться хорошим, опасен. Самыми опасными людьми считаются те, кто демонстрирует свои положительные качества, и не только демонстрирует, но и сам верит в то, что хороший. Удивительно, но наиболее чудовищные преступления в истории человечества совершали люди, которые не пили водки, не курили, не изменяли женам и кормили белочек и голубей с ладони.

Человек может быть хорошим до определенного предела. Если жизнь припрет, хороший может стать очень плохим, и это может случиться в самый неподходящий момент.

Драка за власть – жестокая драка. Тот, кто ее проиграл, – преступник. Победителю абсолютно все равно, совершал ты преступление или нет. Проигравший все равно преступник. В такой ситуации лучше совершать преступления, чем быть наивным дураком, наказанным за неделанное.

Прожить на нашей планете можно, только перегрызая глотки другим. Такую возможность предоставляет власть. Удержаться во власти можно, только карабкаясь вверх. Но лестница эта ужасно скользкая.

Кроме того, обязательно нужна помощь тянущего тебя. И каждый, кто карабкается наверх, формирует свою группу, которая ползет с ним на вершину или летит вниз.

На свободе чувство безопасности дает не пистолет, а трезвый, без всяких иллюзий, расчет. Пистолет – это ненужная иллюзия, которая греет бок и создает мираж безопасности. Этот мираж однажды может сыграть с тобой злую шутку.

Кто хочет, тот и может. Главное – чего-то захотеть, а потом все зависит только от тренировки. Успех приходит тогда, когда каждая тренировка доводит человека до грани его возможности. Работать необходимо на грани срыва. Побеждает в жизни тот, кто может победить самого себя, свой страх, свою лень, свою неуверенность.

Если ты не выдержал первый тяжелый взгляд собеседника, бесполезно на него воздействовать. Психически он сильнее тебя. Ты будешь победителем только до тех пор, пока сам себя чувствуешь таковым. Самые большие ошибки совершаются после успешной встречи. На любое дело нужно идти в полной уверенности к победе. Если такой уверенности внутри нет, то лучше отказаться, не начиная дела.





4 августа. Жара. Страшный зуд. Клопы не дремлют.

Как бороться с ленью? Она накатывается, обволакивает, опутывает, тяжелит. Лень делает в твоём личном времени дырки, и оно сквозь них стремительно утекает.

– Ты себя считаешь виновным?

– Что говорить? Считаю! Но только на два года. Не больше.

Трудно поверить, но это факт: фамилия начальника Московского УФСИНа Злодеев. Фамилия его первого зама – Дуреев.



5 августа. Изнуряющая жара и духота продолжается. Вентилятор вертит грязный пропеллер и гоняет горячий воздух по всей камере. Образуются как бы волны нагретого воздуха. Это движение воздуха и шум вентилятора напоминают пляж. Тот же шум волны и горячий морской ветер, хотя до моря ой как далеко и в пространстве, и во времени.

Лицо его обладало такими свойствами, что придать ему более или менее приличный вид могла только густая черная борода, начинавшаяся от глаз, и огромные черные очки, закрывавшие места, которые не закрывала борода. Ничто другое исправить или сколько-нибудь улучшить это лицо не смогло бы, а он, похоже, об этом даже не догадывался. Счастливый человек.

Появилась местная мода на тату. Заехал один с изображением непонятного насекомого на лопатке. Картинка, вероятно, изображала паука, ползущего по паутине, или клопа, запутавшегося в рваных чулках. Этот шедевр так поразил воображение некоторых обитателей камеры, что они тут же принялись набивать себе такой же рисунок. Беда состояла в том, что местный художник был далеко не Сальвадор Дали, перерисовал насекомое с лопатки вновь прибывшего на бумагу, как смог, и то, что получилось на бумаге, страшно видоизменяя, переносил на человеческую кожу. Первоначальное изображение насекомого после этих манипуляций изменялось до неузнаваемости. И если оригинал на лопатке еще с большой натяжкой можно было принять за паука, то нечто, которое оказывалось на спинах страждущих, уже ничего, кроме ожиревшего клопа, не напоминало.

Его левая рука была иссечена десятками шрамов. Шрамы накладывались друг на друга, и посчитать их реальное количество не представлялось возможным. «Вскрываться» стало у этого человека нормой. Чуть что, он хватал «мойку» и полосовал себе руку. Следующим номером нашей программы – суицид.



Меня не покидает острое желание написать письмо отцу. Обидно, что при его жизни нам так и не удалось поговорить серьезно. Я имею в виду глубокий мужской разговор. Бесед было много, но все они были какие-то поверхностные.

10 августа. Илья ушел на этап. Ну и типком оказался этот человек. Теперь понятно, что имел в виду Ваха, когда сказал мне, что он крайне наглый человек.

- У меня полностью вырезали селезенку.
- Я не успел затариться сигаретами на этап (это при наличии пяти блоков).
- Ужасный приступ чего-то внутри, не то желудок не то селезенка.
- Вообще не спал (это проспав без остановки девять часов).
- Самое большое время, что я не спал, четырнадцать дней.
- А после?
- После неделю уснуть не мог.
- Сорок дней голодал.

Так случилось, что свой сорокалетний юбилей я встретил на центральной «Матросская тишина». Что это? Судьба или случай? Ладно бы рисковал, грабил или воровал, а тут на тебе, за здорово живешь.

13 августа.

– А что Вова, поделщик твой, вичевой?

– Да, да, я знаю. Моя девчонка помогала ему на воле собирать вещевую передачу.

Инфантилизм человека открывался постепенно, изо дня в день, из часа в час. За ним виднелся реликтовый эгоизм и просто очень распространенное отсутствие ума. Можно сказать, откровенная глупость. Сначала это воспринималось как нечто, что требует оценки и настороженности, затем возникла мысль, что он прикидывается или, возможно, даже шутит. Бывают же странные шутники? А потом стало понятно, что он действительно такой, от природы. И сразу после со всех сторон понеслась лавина шуток и издевок, которая накрыла его с головой. На Руси над дураками принято потешаться.

Глупость есть предисловие к любому, или почти любому, глупому событию. Глупость всеобъемлюща. Он разлита в пространстве в немыслимых количествах и пронизывает буквально все. Почему преступник, по убеждению совершающий преступление, попадает? Да потому что против него работает целый государственный аппарат, призванный именно ловить преступника. Поймав его, государство начинает трубить об этом во все концы, дабы другим было неповадно.

Эти государственные трубы есть профилактика преступления, считает власть. И жестоко ошибается, но это другая тема. Информация о том, кого не поймали, всегда остается в тени. Такой эпизод – это укор, такое событие несет в себе скрытую заразу. Заразу распространения, желания последовать примеру. Сколько таких примеров? Вероятно, в сравнении с остальными мало, поскольку уйти от возмездия, получив большие деньги незаконным путем, крайне сложно. Для этого нужен не только ум, для этого талант нужен, как, впрочем, в любом другом деле. Для этого одного желания недостаточно.

Все преступники, как и следователи, стремятся к упрощенным схемам, к известным решениям. Это позволяет вторым ловить первых, а первым – быть пойманными. Людей губят шаблоны. Огромное влияние на преступников оказывает кинематограф, в особенности американский. Там все это происходит очень эффектно: маски, автоматы, погони, драки... За этими эффектами скрыты подробности, точнее, их полное отсутствие. Да и откуда в кино взяться подробностям? Что, сценарист или режиссер знает, как это делается? Потом «у них» – это совсем не так, как «у нас». Наши, не обладающие особой фантазией, как правило, стремятся к быстрому результату, мгновенному обогащению, плохо представляя себе не только пути отхода, возможные пути развития ситуации, но и сумму, которая им теоретически нужна. Что прямо приводит к тому месту, где их уже ждут милиционеры. Любое, даже мало-мальское отклонение от шаблона ввергает наших милиционеров в замешательство, и дело хоронят под грудой других, быстрее раскрываемых дел. Почему почти не вскрываются преступления в банковской сфере? Да потому что узок круг специалистов и очень редко такая информация выходит наружу. Практически невозможно найти среди милиционеров банковского специалиста высокого уровня. Как он там окажется? Кто пойдет работать в милицию на зарплату в четыре копейки? Только если его посадят на крючок сами менты. Такая же история среди торговцев антиквариатом. То же происходит и в других тонких областях, где требуются специальные знания, которыми милиционеры не обладают.

Лень – очень важный фактор. Общее место – ленивый следак. Точно так же, как общее место – ленивый преступник. Жадный, глупый, неталантливый и в довершение ко всему ленивый. Если прибавить еще и алкоголь, становится понятно общее положение дел.

Ругают русских, правительство, страну, режим, общественно-политическую ситуацию, все плохо, и жить в этом обществе плохо, и воровство кругом, и мздоимство, и пьянство... Что же делать? Что же делать, особенно если я уродился русским? Я никогда не стану немцем или французом, такая уже судьба. Русский я.

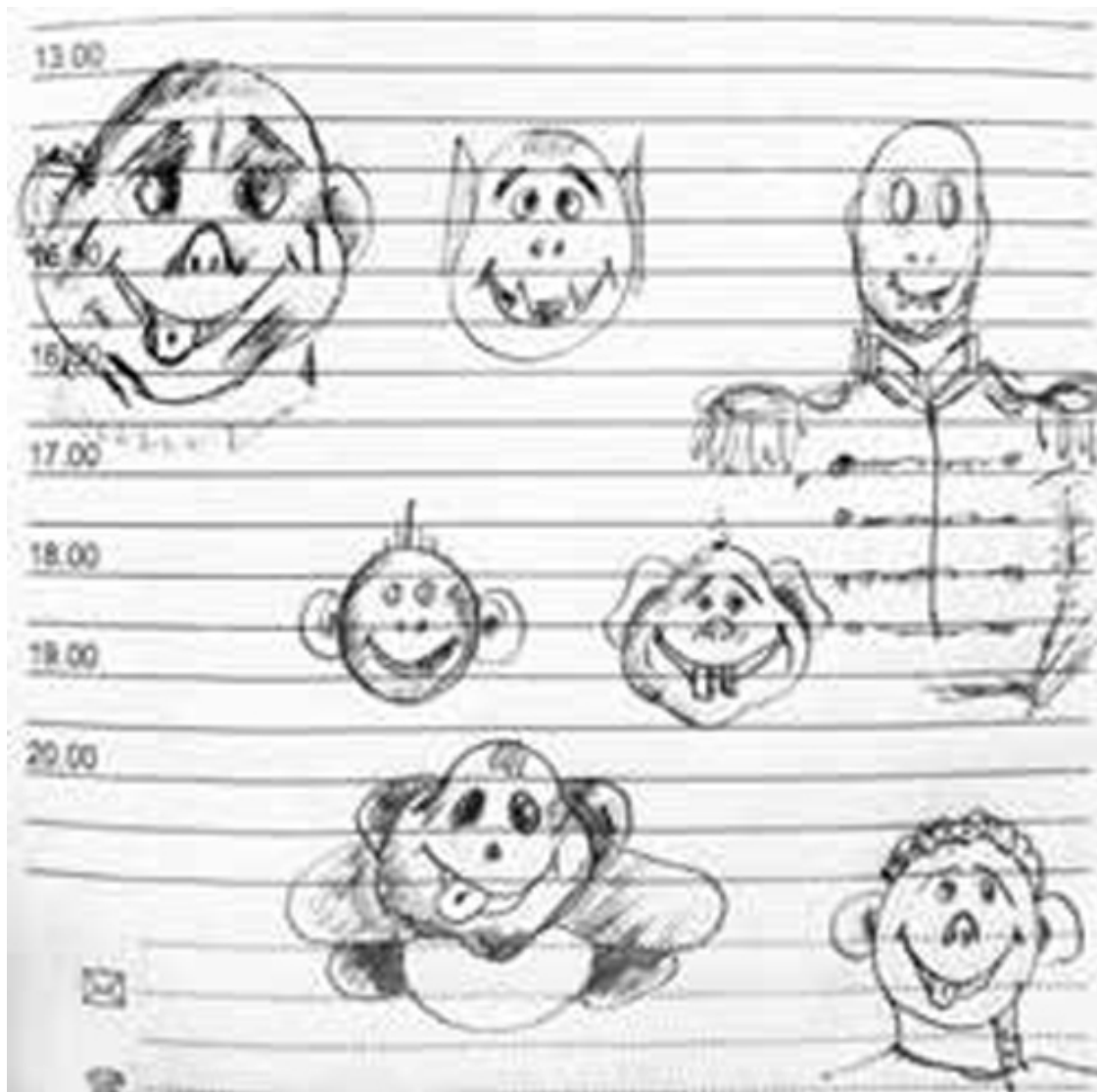






- Так я, это, через день таксовал. День таксую, день дома. На диване валяюсь.
- А бабы?
- Так за смену, бывало, одну-две трахнешь.
- Это как?
- А так, бывало, сами навязывались и даже деньги предлагали.
- Теперь понятно, почему тебя жена выгнала. Как же тебя на жену хватит, если по две бабы через день. Обалдеешь!
- И с женой все нормально было.
- Через день с новой бабой и без гондона? Так ты, Вован, натурально в группе риска состоял. Как у тебя еще шляпа не отвалилась? Удивительное дело.

У американцев в семи городах отключилось электричество. Десять миллионов человек оказались без кондиционеров, холодильников, лифтов в метро. Систему «Майкрософт» атаковал неизвестный вирус – все это предвестники и модели будущих техногенных катастроф. Чем выше развитие техники и ее централизация, тем больше вероятность необратимости подобных катастроф.



Стремительно наступает осень. Она все чаще и чаще засовывает свой нос во все щели. День заметно уменьшился. Дожди. Луи. И в воздухе появилось нечто, что прямо говорило: надвигается осень. И от этого уже не отмахнуться. Факт.

Рефлексии, построенные на догадках в отсутствие информации, мучительны и в высшей степени бесцельны. Мало того, они саморазрушительны. Что ж, еще немного терпения – и начнется настоящий суд. Даже если в конце концов осудят, это уже начало движения к свободе. А сейчас время тянется, и ноет в голове, как зубная боль. Не время, а пытка временем. Если осудят, то к моменту выхода сыну уже будет лет четырнадцать. Все, все поменяется. Мама, наверное, уже не доживет. А смогу ли я устроиться куда-нибудь в пятьдесят лет – большой вопрос. Если осудят, все пойдет прахом.

Все идет по схеме. Телефон не отвечает, домашний телефон умирает, в голосе раздражение и нетерпение. Человек не может говорить. А время – вечер пятницы, суббота и воскресенье – очень загруженные дни, похоже, это начало конца.

Считается, что слово «вурдалак» придумал Пушкин.

Упыри могут принимать практически любой облик, чаще встречаются в образе летучей мыши или кота. Питаются энергией страха.

Вурдалак, как правило, сохраняет человеческую оболочку. Крайне редко превращается в волка. Упыри и вурдалаки водятся именно в тех районах, где в старину было замучено много людей.

Балашихинский и Ногинский районы. Здесь появляются коты-упыри. Владимирский тракт в двадцати верстах от него, имение Березовая Роща, принадлежавшее госпоже Сугробиной, там до сих пор бродит ее призрак.

Кузьминки принадлежали Вассе Строгановой. В 1774 году Строганова была произведена Екатериной II в статские дамы. Рассказывают, она встречается там и поныне.

Балашиха. В ее окрестностях, в особенности около селения Старая Купавна, часто находили умерших пожилых женщин, на груди которых сидели коты.

Подольский и Нарофоминский районы. Здесь встречаются волки-оборотни.

Коньково. Троицкое-Коньково Зиновьева, в народе этот призрак называется Наумиха.

Села Борисовка, Захарьино, Красная Пахра. В семидесятые годы двадцатого века здесь были отмечены многочисленные нападения волков на детей десяти-двенадцати лет.

Талдомский и Сергиево-Посадский районы, Серпуховской район. Здесь отмечено появление нетопырей.

По Ярославскому тракту из Москвы в Александровскую слободу (ныне город Александров) очень часто ездили опричники и бояре. Здесь же они творили скорую расправу. Эти места отмечены массовым появлением призраков.

В городе Серпухов лютовала Мараева. До сих пор там появляется ее призрак.

20 августа. Вчера в тюрьме случилось нечто, похожее на бунт. Все началось с того, что в отдалении раздался стук кружек по решкам окна. Уже через десять минут вся тюрьма долбила кружками по окнам, а еще через пятнадцать – уже ломились в тормоза. При этом никто ничего не знал, никто ничего толком объяснить не мог. Смотрящий за хатой начал звонить по телефону, выяснять, что произошло. И опять никто ничего не знал. Потом все мгновенно стихло.

Выяснилось, что в хату попытались зайти со шмоном. Хата их не пустила. Доблестные милиционеры пустили в камеру газ, в ответ зеки стали стучать кружками по решеткам. Тюрьма радостно поддержала протест. Долбили с крайним энтузиазмом, неважно почему. Тюрьма всех затрахала настолько, что каждый готов был помочь в любой буче. Говорят, потом Клим, смотрящий за централом, вошел в хату и самолично дал по морде спонтанным бунтарям. На том дело и кончилось.

Стрелял картечью доброты по кустам. Эффекта ноль, зато удовольствие получил от выстрелов.

Следователь: Так вы его ударили ногой, когда он лежал?

Подследственный: Нет. Лежачего не бил.

След.: Как же так? Вообще не били, что ли?

Подследственный: Бил, но я его бил, когда он был в воздухе.

Следователь: Это как – в воздухе?

Подследственный: Видите ли, дело в том, что он минут десять летал по воздуху перед падением на землю. Вот в этот момент я его действительно бил ногой.

Два милиционера сосредоточенно бьют ногами лежащего зека. Бедолага, скрючившись, лежит на правом боку и после каждого удара вскрикивает.

Удар.

– Ай!

Удар.

– Ой!

Минут через десять зек вдруг громко и убедительно кричит:

– Стойте!

Менты замирают. Зек быстро переворачивается на левый бок и деловито сообщает:

– Продолжайте.

И вновь: удар.

– Ай!

Удар.

– Ой!

Вы не зеки, вы военнопленные, вот только на каком фронте вас взяли в плен, непонятно.



К сорока годам моя «интересная» и насыщенная жизнь начала надоедать. О такой жизни и о таких событиях хорошо читать, сидя в кресле напротив зажженного камина или в саду. Неплохо и смотреть на подобные события через экран телевизора. Быть постоянным их участником очень утомительно.

– Я тебе ебальник в щепки разнесу!
– Как дам по роже – уши отклеятся!
Зек, лежа на шконке, мечтательно:
– На больничке хорошо! Молока сколько хочешь наливают. Да! У нас даже оставалось. И тишина! Прям курорт! Телки наверху сидят, лекарства, дальняк с душем. «Дубок» огромный. Хорошо!
– Ты че-то не по-детски баланду наворачиваешь.
– Так жрать хочется!
– Смотри не передознись.
– И чем ты, индюк, мне «шленку» восстановишь? Ту, что летчику отдал? А мне с чем на этап идти? Так чем восстановишь?
– Нет у меня ничего.
– Как это? Да ну нахуй! Ну-ка, повернись, покажи жопу. О какая! Кругленькая! А ты говоришь, ничего нет.
– ... А там вольготно: чай есть, сахар есть, курица есть, администрация не ебет особенно. Ну так, изредка. И контингент нормальный. Чего еще-то? Нормально.
– ... а в карты как без наебки играть? Никак.
– ... это сейчас телевизора насмотрелись и давай качаться. Прям все спортсменами стали. А раньше, раньше нормальному зеку отжиматься или там присесть запахло было. Чтобы зек, ну, если он не «козел», спортом занимался – никогда!
– Начнешь отжиматься в БУРе, а «корпусной» тут же и кричит: «Ты, сволочь, кого пиздануть готовишься?»

Сергея «Подольский» получил четыре года. Два с хвостом уже отсидел. Вышел по «касатке». История с внедренным агентом, типа в банду. Полгода агент подбивал на дело. Подбил. В результате и сам агент угрелся, и его подбитыши. Здесь же история «мужественного» подельника, отсидевшего в прошлом восемнадцать лет и сдавшего всех на первом допросе.

Самурай получил восемь лет. История, как он сдуру в сердцах катаной разрубил витрину.

Краб ушел из зала суда, просидев три или четыре года. Игорь «Большой» уходит в мае за отсиженным.

Здесь из-за одного сказанного слова могут раздуть целую историю и довести ее до мордобития. А ошибка в поступке может привести к самым неприятным последствиям. А если захотят доебаться, доедутся непременно, даже на абсолютно пустом месте. Повод не нужен. Нужен объект и чье-то желание.

Кошке живется лучше, чем многим людям. По камере ходил котенок с ужасно неприятной, злой мордочкой. Все его кошачье обаяние сводилось лишь к молодости. А по-хорошему можно было бы его раздавить, как клопа.

Вспоминая старика Ортмана.

– Дорогая, мы стали богаче еще почти на миллион.
– (в автомобиле с абсолютно пьяной женой) Не обращайтесь внимания, она обоссалась. Главное, чтобы кожаную обивку салона не испортила.
– Камрад, мы с тобой попали впололаме. Каждый на семь миллионов дойчмарок.
– Я завалю всю Европу рыбой кожей.
– Дорогая, сына не люблю, люблю тебя и хочу все свое состояние переписать на тебя. Но от сына надо как-то отвязаться. Помоги мне купить «Мазератти» и покрыть его долг в два миллиона марок. И после я все переписываю на тебя.

Дорогая выполняет его требования. Ортман все переписывает на нее, и тут выясняется, что его имущество заложено. И дорогая остается со всеми долгами Ортмана.

В двадцатый век наша цивилизация, делая упор на создание материальных ценностей, расщепила духовную целостность личности, но самое страшное – расщепилось психическое состояние человека. Ценностью стала не нормальная, здоровая во всех отношениях личность, а необычная форма этого «расщепления» – щепка души. И чем неожиданнее, чем страннее эта форма, тем ценнее индивид.

Возьмем для примера европейскую живопись. Ее развитие сначала дошло до совершенствования изображения, затем застыло в нем, а дальше началось экспериментирование с формами и цветом. Затем эксперимент стал затрагивать фантазию художника, что привело к расчленению реальности на отдельные элементы: форма, цвет, точка зрения, состояние сна. Дошли, так сказать, до молекулярного уровня – и тут появился Малевич и своим «Черным квадратом» поставил точку на всех экспериментах. Все, дальше только черная пустота. Все, что можно было сделать в живописи, с живописью, сделано. Дальше продвигаться некуда. Вот в чем ценность этого квадрата. Это точка, финал развития живописи как направления. То же должно произойти и с расщеплением личности. Вот только кто и как поставит эту точку?

Возможно, появятся новые силы и похоронят нашу цивилизацию. И будут правы. Уж слишком она, наша цивилизация, больна. Ее вырождение проявляется буквально во всем. Как лакмусовая бумага – современное американское кино с его философией убийства и разрушения. Не созидания, а разрушения, то есть расщепления. На что молился древний человек – на фаллос и семя, то есть на рождение новой жизни. Чему поклоняется современный человек – пистолету. Искусственному фаллосу, только извергающему не животворное семя, а пули, семена смерти и разрушения. Это и есть основной признак болезни цивилизации. Никогда и нигде древний человек не смаковал смерть как таковую. Смерть врага – да. Но смерть врага – это песнь своего превосходства, а значит, здоровья. Они погибли, а мы живы, следовательно, мы лучше, здоровее.

Сейчас на толпу можно воздействовать только насилием. Насилие в конечном итоге приводит к смерти. На общество воздействуют не строительством, не рождением, а насилием, то есть разрушением. Это воздействие, болезнь возведена в ранг искусства.

Природная красота уже не интересна, акт рождения – скучно, просто жизнь без воздействия на нее цивилизации не привлекает. Искусство, а за ним и жизнь становятся притягательными, когда в них включены извращения. Чем необычнее извращение, тем лучше. Только это в нашем обществе и способно привлечь к себе внимание.

Секс ради секса – первый признак начала вырождения. Демонстрация полового акта и всего с ним связанного просто для интереса – это путь в тупик развития. Древнему человеку во время полового акта и в голову бы не пришло извергать семя женщине на лицо или еще куда-нибудь вне места, отведенного природой.

Невозможно представить себе животное, например, волка или енота, кончающее волчице на морду или в ее пасть. Природе важен результат, а не смакование процесса.

Появление в обществе огромного количества инвалидов (мы не рассматриваем период войн и природных катаклизмов), калек и уродов, превышение численности стариков в сравнении с молодежью – это тоже признак вырождения. Да, старики должны быть, но в определенной пропорции к молодым. Их должно быть меньше раза в два. Как ни печально говорить об этом, но превышение численности больных и старых особей над молодыми и здоровыми вредно для вида. Калеки и инвалиды способны воспроизводить только себе подобных, а те, в свою очередь, таких же. А если их будет большинство? Это словно раковая опухоль, которая, разрастаясь, способна погубить человечество в целом.

Изобретение новых лекарств помогает отдельным особям, но медленно губит человечество в целом.

Конечно, мне жаль стариков и очень хочется жить как можно дольше, но умом я понимаю, что если количество стариков превышает количество молодых особей, это рано или поздно приведет к старению и вымиранию всего вида.

Природа по-своему с этим борется. Появляются новые и новые болезни: СПИД, «свиной грипп», «птичий грипп» и т. д. Мутируют старые болезни. Растущее число наркоманов, немотивированные самоубийства и убийства. Всевозможные катастрофы: техногенные и природные – число их катастрофически растет. Они уносят жизни, вслепую смахивая со стола жизни людей, случайно оказавшихся в неудобное время в неудобном месте. Войны тоже делают свое черное дело. Однако общая ситуация кардинально от этого не меняется. А это означает, что количество случайных смертей будет только расти. Новые болезни будут уносить все новые и новые жизни. Постоянно возникающие пандемии будут и дальше разрушать общество. Число маньяков-убийц будет только расти. Обиднее всего, что эти катастрофы, да и маньяки, слепы и убивают всех подряд. Как правило, жертвы войн, катастроф, болезней и маньяков – здоровые люди. Уроды, калеки и старики под их каток попадают редко. Значит, стоит ожидать новые формы «подвижных» катастроф, заставляющих быстро убегать от смерти, при которых смогут спастись только здоровые, быстро передвигающиеся особи. Катастрофы, после которых выжить могут только молодые и активные. Это не может не произойти. Если этого не будет, то все человечество ждет медленная смерть. Медленная в сравнении с одной человеческой жизнью. Иначе это тупик в развитии и дальнейшем существовании человечества в целом.

Признак проявления этого тупика – появление массового бесплодия, как биологического, так и искусственного (намеренное нежелание размножаться). Разрастание такого явления, как гомосексуализм, и его обратной стороны, лесбиянства, и его легализация на государственном уровне говорит о стремительном вырождении человечества.

Где выход? Сегодня его нет. Есть только вектор движения, тот самый, который человечество упорно не замечает.

Земной шар напоминает больную педикулезом голову, где вошь – человеческий вид. Сейчас эта голова только трясется, и с нее падают и гибнут отдельные вши. Может же случиться так, что голову побреют, избавившись разом от всего заболевания?

Судя по всему, так уже было, и не раз.

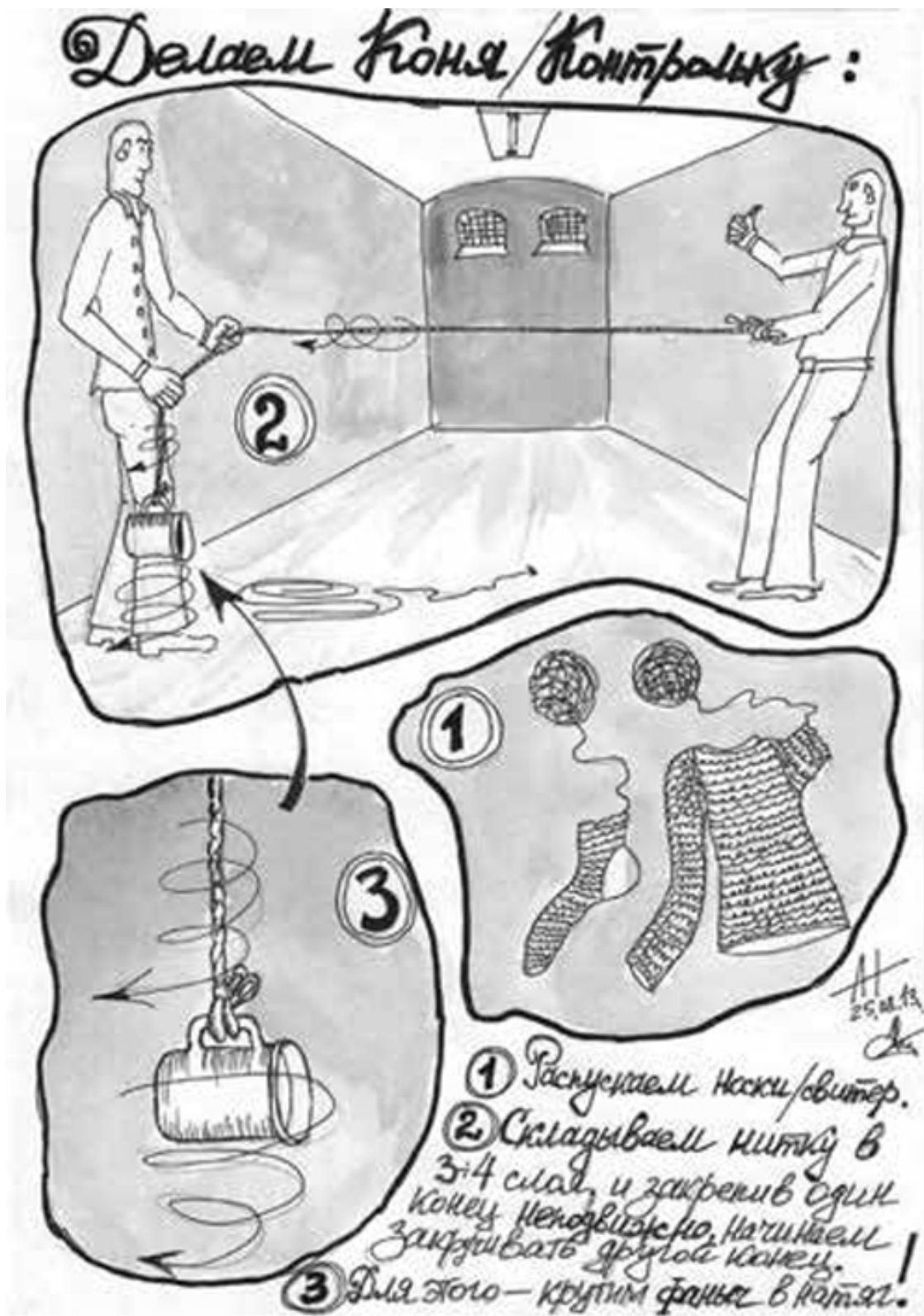
Чтобы выжить, человечество вынуждено будет привести в действие некоторые принципы евгеники. Однако как только об этом заходит разговор, вырожденцы, калеки и уроды сразу поднимают вой и вспоминают все, что из политических соображений под флагом евгеники делали с полноценными особями. И полноценные уже готовы жертвовать жизнями в борьбе за справедливость, в том числе и за неполноценных. А полноценные они потому и полноценные, что готовы жертвовать жизнями ради других во имя созидания и будущего. Им жалко калек, уродов и вырожденцев, уж больно жалобно те подвывают. Однако вырожденцы, калеки и уроды своими жизнями ради здоровых жертвовать не готовы и не будут этого делать ни при каких обстоятельствах. Они готовы думать только о себе и своих жизнях. А это значит, что общество не готово решать эту проблему изнутри и, следовательно, что число странных смертей, болезней и катастроф будет только возрастать.

И еще долго от него воняло нарами.

И еще долго от мозгов воняло нарами.

Безусловно, творческая гениальность – это диагноз. Гений, по определению, ненормален, ибо способен к прорыву в глубину, высоту, ширину – словом, куда угодно. Он не способен

только к ежедневной рутине, то есть к нормальной жизни. А на ней, как на базе, строится все. Потому гениев появляется так мало.



Неспешно летящее время. Ему-то что! И в этом времени, как в кривом зеркале, отражаются события, невольным участником которых я стал. Застывшего в каменном мешке правосудия, на прозрачном ковче-самолете времени меня несет и несет, а внизу, вдалеке пролетают

события жизни, дома, города; там войны, катастрофы, смерти и люди, люди, люди – бесконечная людская река. Зачем? Для чего? Кому это нужно?

После полугода пребывания в тюрьме криминализируешься насквозь. Мозги просто отравлены этим. Какое здесь может быть исправление – глупость! Бытие определяет сознание.

Язык – основной инструмент для раскрытия преступлений.

Страх, боль и в особенности язык – вот главные способы и приспособления для раскрытия преступления. Глупость – это данность, на фоне которой и происходят раскрытия преступлений.

Азер называл адвоката – Адвокантом.

Быстрая дружба, как правило, заканчивается долгой враждой.

Паутина грязными соплями свисала с потолка.

То, что удобно представителям закона, почти всегда неудобно гражданину.

Случайность зависит от уровня нашего незнания.

– Вася, прикинь: сижу на ИВС, холодно пиздец! И крутят какое-то странное радио, типа «Россия», но не «Россия». Короче, заезжаю, а оно объявляет: «Стеклодув». И представь: начинаются радиочтения про этого Стеклодува. Так аж десять частей вынужден был прослушать. У меня от этого ебучего Стеклодува аж аллергия началась. Реальные кожные высыпания.

Таджик рассказывал:

– ...а еще белый, белый, белый мрамор хорошо идет на кладбищах. Так красиво получается, что прямо так и хочется на кладбище. Так и тянет.

Тюремный доктор не уставал повторять: баланду нужно кушать. В ней все витамины.

Спаси меня, господи, от друзей. А от врагов я сам спасусь.

С облезлой, грязной, забывшей, что такое ремонт, стены взирает карандашный Иисус. Нелепое, непропорциональное тело, хмурый взгляд. Чего ты только не видел в этих стенах!

Аварец пошел касачку писать.

Когда надеяться уже не на что, начинают надеяться на бога и «золотую» амнистию.

Живые происходят от мертвых, а мертвые от живых.

Читаю Достоевского, «Подросток», там по ходу действия в тюрьму посадили князя, и подросток с ним встречается. Князь в разговоре все время повторяет: «короче сказать». Это «короче» повторяют все кругом и в современной тюрьме. Это назойливое и бессмысленное «короче», после которого могут говорить еще часами, повторяемое через каждые пять слов, звучит и звучит.

Раньше я думал, что способен долго спать. А вот и нет! Я оказался ребенком в этом смысле. Тут есть специалисты, способные спать столько, сколько нормальный человек без появления реальных пролежней просто не сможет. Двенадцать, восемнадцать часов, двадцать часов. И это каждый день, буквально каждый, и это месяцами.

Всю жизнь стремился к добру – чужому.

Был пронзен штыком правосудия.

Город. На улице стоит припаркованный черный, как жук, джип. К нему подходит цыганка и начинает стучать пальцем в закрытое окно. Стучит долго и настойчиво. Медленно сползает

стекло, из окна появляется рука с баллончиком аэрозоля против насекомых. Струя летит в цыганку. Та с проклятиями убегает.

С выездом в прокуратуру надули, с баней тоже! Теперь и с выездом в суд. Говорят, затопило Мосгорсуд. Каково! Ждали на битком набитой «сборке» с пяти тридцати утра до десяти. Наконец, вывели всех к выходу, и тут пошел среди зеков разговор о тушенке как обязательной судовой пайковой порции.

– Тушенку давай! – стал раздаваться призыв в толпе. – Ну что, братаны, без тушенки не судимся?

Пронесли коробки с тушенкой. Говяжьей! Занесли в автозаки. За тушенкой потянулись зеки. Сообщили, что вождевленную тушенку будут выдавать в здании суда.

Сели, поехали. Приехали. Половину машины выгрузили. Подождали. Снова поехали и, к вящему удивлению, оказались на центральной. Всех выгрузили, а тушенка, естественно, осталась в автозаке. Спиздили-таки мусора нашу тушеночку. А нам сообщили, что, мол, Мосгорсуд затопило. Вот так, покушали мяса.

Есть дадаизм, импрессионизм, сюрреализм, индуизм, социализм, капитализм, наконец, а есть «вованизм» – стиль жизни и поведения. Когда человек, не толстая, может поглощать пищи в четыре раза больше, чем средний человек, и спать по двадцать два часа в сутки месяцами. Вовчик, являющий собой явление, услышав это слово, сказал бы так: «Че, вованизм?»

Водка требует слушателя. Идеальный слушатель – это внимательные глаза, подвижная мимика, залиvistый хохот (кто ж не любит собственное чувство юмора?). И полное молчание, долгое и упорное. Иногда молчание необходимо разбавлять вопросами – короткими и в меру мудрыми: кто, что, сколько, почему, когда?

До войны (Великой Отечественной) особой символики татуировок не существовало. Много было почерпнуто из нательных рисунков, бытовавших среди моряков. Уже само ношение татуировки указывало на принадлежность к блатному миру. «Петушки к петушкам, а раковые шейки – в сторону», – усмехались надзиратели, намекая на известные сорта карамели. В период «сучьих войн» и позже преступное сообщество разработало тайную символику татуировок, которая часто указывала на место их владельца в иерархии уголовного мира, на его заслуги, на преступную «специализацию». Если ты носил татуировку не по праву, с тебя спрашивали, и часто отвечали кровью.

Чрезвычайно распространенная татуировка парусника с наполненными ветром парусами стала означать человека, который рвется на волю и не упустит возможности совершить побег. Часто встречающийся рисунок оскаленной пасти льва, тигра, пантеры и т. д. получил название «оскал» и стал означать «идейного» уголовника, ведущего себя по отношению к администрации крайне агрессивно. Череп, кинжал, змея в разных сочетаниях стали символом грабителей и разбойников. Представители «чистых специальностей» (крадун) – факел, рукопожатие. Эти символы расшифровывали как символ дружбы и товарищества в местах лишения свободы. «Розу ветров» толковал как выражение агрессивности по отношению к лагерной администрации. Если ее накалывали на плечи, это соответствовало формуле «Никогда не надену погоны». Если «розу ветров» наносили на колени, расшифровка была «Не стану на колени перед ментами», на других частях тела она выражала активное нежелание работать на «хозяина» (то есть начальника лагеря, тюрьмы). В уголовном мире изображения «роз ветров» (чаще всего парные) получили название «воровских звезд». Первоначально их накалывали исключительно ворами.

Восходящее солнце – сюжет, распространенный до «сучьей войны», но теперь все зависит от количества лучей: длинные означают число «ходов», короткие – лет. До «сучьей войны» часто встречалась наколка с изображением кинжала, протыкающего сердце, или сердца, пробитого стрелой. «Законники» чрезвычайно остроумно решили проблему тайной символики этого рисунка: кинжалу они добавили стрелу, а к стреле – кинжал, и это стало обозначать верность желанию отомстить отошедшим от «воровских традиций».

По свидетельствам некоторых старых «бродяг», именно в начале – середине пятидесятих годов возникает обычай носить точки (или маленькие крестики) на костяшках пальцев. Количество точек означает количество «ходов». Наносили еще на костяшку запястья пять точек: четыре – по краям, пятую – в центре. Это толковалось как «четыре вышки и конвой», то есть считалось символом зоны. Насекомые – муравей и жук – были тотемы карманных воров. Сначала возник муравей. Его появление связано с лингвистическим казусом – «народной этимологией». Дело в том, что до революции существовала отдельная уголовная «специальность» – «марвихер», то есть шикарный вор, который специализировался на крупных кражах и махинациях, выдавая себя за состоятельного дельца или титулованную особу. Вращались «марвихеры» и в высшем свете, «работали» за границей, на известных курортах и тому подобное. После революции они исчезли, но новая «воровская элита» тоже хотела называться красиво. Вот и вспомнили старую «специальность»: «кармаши» называли себя «марвихерами», но часто коверкали слово, которое превратилось в «марвихор» и даже в «муравыхер». Отсюда и муравей, а следом за ним жук. Надо сказать, что аббревиатура ЖУК расшифровывается как «Желаю удачных краж». Именно в пятидесятые на руках стали появляться короткие слова, которые, казалось бы, ничего не значат. Например КОТ, ЛОРД, СЛОН, БОГ. Таких аббревиатур огромное количество. Каждый «честный босяк» должен знать, что они обозначают.



КОТ – «коренной обитатель тюрьмы».

ЛОРД – «легалым отомстят родные дети».

СЛОН вначале – «суки любят острый нож», позже – «смерть легавым от ножа».

БОГ – «был осужден государством, буду опять грабить».

До пятидесятых годов подобные редкие аббревиатуры администрация выводила с тела заключенных химическим путем. Иногда это превращалось в абсурд. Дело в том, что аббревиатуру СССР «законники» расшифровывали как «Смерть Сталина спасет Россию».

1 мая. Второе первое мая я в тюрьме. Второй Первомай! Ярость и ненависть уже припустились. Все чаще стало посещать чувство, что это никогда не кончится. Выдержки и еще раз выдержки. Тюрьма по сути – хорошая школа жизни. Ее надо пройти, обязательно пройти. А иначе грозят отупение, отрыв от реальности и замыливание взгляда перед свободой. На свободе человек перестает понимать ее ценность. Он вообще перестает понимать, что это за состояние свободы. Вот, например, взять меня: по большому счету, у меня было все, может,

не хватало только творчества и популярности. Но это все было какое-то замыленное, что ли. Когда надо было радоваться жизни, я рефлексировал и комплексовал, не замечая или расточительно пропуская простые проявления жизни. Утро раннее, светлое, чистое. День широкий, свободный. Вечер тихий, теплый. Ночь. Просто ночь, не на шконке, не в прокуренной насквозь камере, не среди храпящих маргиналов – обычная человеческая ночь. Солнце, светящее с открытого неба, дождь, мороз, жара... В каждом природном явлении есть своя неповторимая прелесть. Вместо того, чтобы писать, я рефлексировал на тему своего творческого простоя и таланта. Рефлексия вместо работы и творчества. Рефлексия как вид творчества.

Просто идти по улице – уже счастье. Дышать свободным воздухом улицы или леса, смотреть на природу не через окно с решеткой – счастье. Любое проявление свободного мира – это ли не счастье! А я все ждал чудес. Ежедневно не замечая и пропуская главное чудо – чудо свободной жизни. Я убивал день в ожидании вечера и добивал чашу вечера до конца, до самого дна, закусывая ночью, отдавал утро сну, и днем все начиналось сначала. А утро – восхитительное проявление жизни. Даже самое пасмурное, осеннее или зимнее. Все это шло от пресыщенности и неточно выбранной цели. Любой выстрел не по цели – бессмыслен, не нужен и даже вреден. Можно случайно попасть в другую цель, чужую. Сколько же времени проведено напрасно! Пять лет? Десять? Вся жизнь? Я пропускал красоту, не видя ее. Я пытался наполнить жизнь атрибутами праздника, лишившись главного – праздника в своей душе. Новый год, день своего рождения, день рождения близких – все это было, но ощущения праздника события не приносили, радость и подъем в душе были потеряны. Нет, не сразу, постепенно и незаметно эти чувства истончались и в какой-то момент – раз, и исчезли вовсе.

Так вот, тюрьма очень хорошо лечит эту болезнь.



Жрут и жрут, жрут и жрут. Ну сколько можно? Ведь местная пища – дрянь, а вокруг – тюрьма.

Я за любой кипиш, кроме голодовки!

– Свидетели?! – как уколотый шилом, вскричал псориазный. – Ты че! Ты где находишься! Очевидцы! Понял? О-че-вид-цы!

А еще не спят, а отдыхают, не разговаривают, а кричат или общаются.

– Ты попутал что-то, олень винторогий. Нету тут ничего твоего. Твое осталось дома. А тут все общее. Тут тюрьма. Твое только говно, да и то временно.

– А вот скажи: у вас там в Дагестане ты осла ебал?

– Ебал. Там все ебут осла.

– Что это? – спросил рыхлый с тяжелой челюстью и ткнул обгрызенным пальцем в ногу сокамерника, покрытую язвами.

– Язва. Нога гниет. У некоторых до кости прогнивает. Ничего не помогает. Я и на больничке антибиотик колот и витамины горстями жрал – бесполезно.

– А от чего это?

– Тюремная болезнь. Воздух тут такой. У многих такая беда. Гниет пиздец. А на свободе, говорят, проходит.

– Может, плохо лечат?

– Может. Лепилам ведь наплевать. Гниет втихаря и ладно. Несмертельно же. Да тут сдохнешь – им все равно.

На все он говорил так: «О, это дорогое лекарство. Я отдал шестьсот пятьдесят долларов, чтобы затянуть его сюда. Крем – шестьсот пятьдесят зеленых стоил. За эту куртку платил шестьсот пятьдесят баксов». Что ни возьми, все у него стоило шестьсот пятьдесят долларов. Как будто другой цифры он не знал или эта ему особенно ласкала слух.

Не дай бог никому оказаться в русской тюрьме. Один мой знакомый рассказывал, как встретил на Можайском централье в общей хате, рассчитанной на пятьдесят шконок при ста семидесяти обитателях в реальности, негра. Негр оказался бывалый, сидевший в разных странах. На вопрос, как ему русская тюрьма, ответил коротко: «Это не тюрьма. Это ад». Я хорошо понимаю этого негра.

Азербайджанец мечтательно вспоминал:

– Короче, все было: шашлык-машлык, водка, фрукты там какие хочешь, короче, колбасы там, сыр, короче, все, что хочешь. Пей-ешь не хочу!

В тюрьме либо худеют, либо безнадежно оплывают. Селекционный отбор работает превосходно. Здесь все больше тупые, жадные, хитрые и никчемные людишки. Поразительная пустота в голове. Ни одной мало-мальски путной мысли. И как я умудрялся еще что-то писать? Помимо того, что это физически негде делать (свет скверный, проблема с сидячим местом, неистребимый и нескончаемый людской муравейник), действие вызывает нездоровый интерес окружающих: что это он такое все время пишет? Письмо, жалобу, заявление, ходатайство – это понятно, а вот просто писать – это очень странно. Еще тяжелее сконцентрироваться, а сконцентрировавшись, понимаешь, что мыслей нет – голова пуста.

По количеству времени, проводимому на дальняке, можно запросто определить, кто какой пищей питается. Употребляющий продукты из передачи или ларька сидит долго. Вольная пища с трудом покидает своего хозяина.

Интересно, куда девается прошлое? Оно трансформируется в настоящее? Оно строительный материал для будущего или отдельно живет где-то в складках времени?

Я практически отвык улыбаться. Если это случается, физически чувствую, как кривится мое лицо. У меня нет проблем с сексом, едой, выпивкой, деньгами – у меня этого просто не

стало. Меня перестали пугать вши, клопы, тараканы, грязь, вонь, мокнувшие и не мокнувшие язвы и дурные запахи. Я отлично научился справлять малую нужду под чужими взглядами (раньше не мог) и справлять большую нужду тогда, когда нужно, а не тогда, когда есть для этого подходящие условия. Я могу не есть, не спать и не курить столько, сколько потребуется. Я совсем перестал шутить. Я почти задавил в себе чувство юмора. Меня уже не пугают страшные лица и тяжелая аура большого скопления мрачных мужиков.

Регулярно попадались десантники, страдающие профессиональной болезнью: нераскрытие парашюта при приземлении приводит к хроническому сотрясению мозга.

Пидор говорил о себе: «Я пошла, я пришла, я сделала». Вечерами он красил губы помадой, подводил тени и стоял рядом со своей шконкой (собственная шконка! уж очень, говорят, злобуч!), одетый в майку и коротенькие трусы. Выглядел на двадцать пять, десять из которых уже остались за плечами, а впереди ждало еще двенадцать лет.

3 мая. На воле у меня был размер 54–56. Сейчас, полагаю, 48–50.

Жора удивился:

– Никогда бы не подумал!

– Почему?

– У тебя после такого похудения на теле должны были остаться растяжки.

У меня их действительно нет. Подобное я наблюдал в тюрьме. Здесь мне пришлось многое увидеть в другом свете, узнать много нового. Это с одной стороны, а с другой – не дай вам бог родиться в интересное время. Российские дикость, невежество, грубость и неразвитость начинают подавлять. А с третьей стороны, как у Апулея, «только ставший ослом может познать мудрость и истину».

Не так страшна тюрьма, как полное непонимание того, что она собой представляет.

У жизни может быть только один смысл и одна цель – сама жизнь.

Всю жизнь я искал смысл: скрытый, таинственный, закамouflированный. Мучился, думал, что только я не могу его найти. А смысл жизни в том, чтобы самому его создать. Ежедневная монотонность в достижении цели – вот и весь смысл. Движение от одной цели до другой – и так до смерти. Вот смысл, и только.

Деньги, семья, дети, положение в обществе, уважение, количество прочитанных книг и твоих собственных, количество медалей, дача, машина, отдых раз в неделю, раз в году. Все, что дает тебе жизнь. К этому можно прибавить еду, алкоголь, никотин, секс, антиквариат, спорт и развлечения. Всё! Больше от жизни ждать нечего.



Самоуважение, имитация самоуважения, значимость, имитация значимости.

Машины, самолеты, корабли, публика. Все понятно, естественно, поверхностно, знакомо. Нет тайны! Нету. А без тайны как жить? Как можно жить, когда все, все прозрачно, понятно, то есть бессмысленно. Открытий нет, есть поток понятностей, хаотическое сложение которых и называется жизнью.

Всякий хочет выглядеть добрее, щедрее, лучше, но мало кто делает для этого хоть что-нибудь. При этом сами знают это и смертельно обижаются, если им на это указывают.

- Милейший человек. Умный, общительный, обаятельный.
- Как это проявляется?
- Умеет слушать.
- А говорить?
- Черт его знает. Честно говоря, я его голоса и не слышал никогда.

Нас мало волнуют чужие мысли и уж совсем не волнует чужое мнение. Нам важно высказать свое. Даже если оно чужое, даже если у нас его нет вовсе.

Говорить о собственной персоне можно бесконечно, как и об окружающих нас негодях. Особенно это любят делать сами негодяи.

Вечер застрял в окне, завис в кронах деревьев и телевизионных антеннах.

Мораль и закон – это общественная защита от жадных дураков.

Общество боится не нарушения законов (во все времена законы нарушались), а беспредела в этих нарушениях.

Что движет человеком? Страсть, жадность, глупость, страх, лень, жажда обладания чем-либо. Но совсем не любовь и уважение. А ум и мудрость вообще не способны к движению.

Усложняя все до предела, общество движется к простоте.

Добро не может окончательно победить, как, впрочем, и зло. Мудрость – в правильном их распределении в каждый данный, конкретный момент времени.

Дьявол и бог – а не одно ли это? Божественное всепрощение происходит от полного безразличия бога к человеческому деянию. Богу может быть интересно, если ему вообще интересно что-либо в человеческой жизни, не конкретное деяние, а направление, вектор. Вектор движения жизни. А вектор чувства, мысли – это игра с мыльными пузырями. Литература и почти все искусство – это как раз и есть такие мыльные пузыри.

Всякая религия – прежде всего способ управления толпой. Религия требует от человека веры. Верить же может кто угодно, для этого не требуется ни усилий, ни таланта, ни способностей, ни воли. Остальное тебе объяснят. Кто объяснит? Что объяснят?

В брахманизме страх греха доведен до совершенства. Брахманизм сковал человека по рукам, ногам и мозгам, создавая невыносимое давление на индивида, да так мощно, что это давление создало Будду. Не было бы полной безнадежности в брахманизме, не случилось бы появления Будды.

Желание появления приводит к появлению. Но это должно быть острое желание, упорное желание.

Творчество – это результат работы мозгов уродов. В голове что-то не так – от этого и фантазии. Любой творец психически ненормален. По-другому просто не может быть.

Он был безнадежно нормален.

Чувство прекрасного рождается от соприкосновения с уродством (физическим или психическим). Чем сильнее диагноз, тем сильнее и неожиданнее проявление творчества.

Абсолютно здоровому человеку бессмысленно заниматься творчеством. Из этого никогда ничего путного не выйдет, как ни бейся. Вот поэтому Ван Гог и отрезал себе ухо (может ли нормальный человек ни с того ни с сего оттяпать себе ухо?). Физическое уродство – уже безусловный стимул для творчества и фактор его появления.

Пушкин нормален? Кто это сказал? Кто это знает? Маленький некрасивый метис – этого что, недостаточно, чтобы всем и каждому начать что-то доказывать?

Гоголь – даже не обсуждается. Достаточно посмотреть, как он жил и вел себя с родственниками.

Лермонтов – а кто же его знает? Жаль, нет под рукой ничего, ни книг, ни интернета. Но уверен на сто процентов: что-то ненормальное было и в нем. Максимум, что может абсолютно нормальный человек, – это потреблять чужое творчество. Или быть ремесленником, но творцом нового – исключено. Нормальность не предполагает художественного развития, увы. Ты не будешь писать стихи жене, если она рядом и тебя любит. А вот если тебе снарядом оторвало яйца, или ногу, или тебя упрятали в тюрьму, или отправили на фронт, тогда да!

Моряк не восхищается морем – он с ним работает. А человек, никогда не видевший моря и страдающий морелюбием или страдающий морской болезнью, – вот это да! Вот тут может начаться творческий процесс.

Детективы обычно пишет тот, кто в душе законченный негодяй, но при этом неисправимый трус или в чем-то сильно ущемлен.

Люди, прилюдно смакующие свои любовные победы, имеют явные сексуальные изъяны. Дон Жуан – это сексуальная патология: проблема с размерами детородного органа или с самим процессом, травма например.

Милиционером или прокурором можно стать в двух случаях: по ошибке или по природному расположению к этим занятиям. Первое, как правило, быстро выясняется. Не может палач не иметь сильного психологического изъяна, как и работник морга или крематория или тюремщик.

Третьи сутки Итальянец не спит, не ест и сидит на «вокзале». Интересно, на сколько его хватит?

Формула творчества – это острый дефицит чего-либо.

Внимательно перечитал «Театральный роман» Булгакова. Читал его и раньше, но последнее прочтение... Я вдруг увидел, что роман написан «на одном дыхании», но, производит впечатление «сырого» материала. Он явно не закончен. Раньше я этого не замечал. Многого я раньше и не замечал.

В углу камеры виднелась оплывшая, унылая фигура, сидящая на свернутом матрасе, – Итальянец. Его прилюдно «разъяснил» местный авторитет Заур и удалил с нижней шконки. Итальянец демонстративно отказался переезжать на «пальму». Дня три сидел возле телевизора и не спал, затем рухнул на пол, и его закинули, как чемодан, на «пальму».

Говорил он путано и невнятно, немного в нос. Каждый раз, когда его не понимали, страшно раздражался:

– Это пиздец!

Или:

– Я охуеваю! – кричал он.

При этом сам понимал сказанное плохо и по три-четыре раза переспрашивал.

4 мая. Заура заказали «с вещами». После его отъезда Итальянец заметно оживился и расширил свой ореол обитания на два метра в окружности.

Как мало мыслей вообще! Где взять умные мысли?

Два дня назад дочитал «Тени в раю» Ремарка. Собственно, перечитал от начала до конца. Именно с этой книгой в руках я был арестован два года назад. Вот дочитал. Сподобился. Прошел очередной круг, или жизнь нарисовала этот круг очередной раз.

Разговор бывалого и первохода:

- Хорошо, а положение какое на централье?
- Ну, там нашенское.
- Что значит – нашенское?
- Ну, это...
- Короче, на централье «воровской ход».
- Понял. Если «черное», значит, «воровской ход».
- А если «красное» – «мусорской». А?
- Ну.
- Не бывает и не может быть «мусорского хода». Бывает «красная зона», «красный централ». Понял? А сколько бывает «воровских ходов»?
- Один! – радостно вскричал первоход.
- Правильно. А вот, к примеру, какой поступок можно считать «гадским»?
- Не знаю.
- Воровство из «общего» или, к примеру, «груз» «скрысили» или «маляву» с «дороги». Ведь «дорога» – это суть «воровского». Вот отправят всех на «кичу», и за «хатой» может отвечать «дорожник».
- Смотрящим, что ли?
- Вот мудаки! Подсматривающим! Смотрящим за чем? За баулами? За баландой? Понял? Так вот, если кто украл «грузы», или «лавзы», или «лекарство», тот и есть «гад».
- А крыса?
- Ну какой же это «крыса»? «Крыса» может «пайку» украсть или у товарища что-то. А это «гад». А как «гада» наказывают?
- Бьют.
- А как?
- Ногами.
- Правильно, а почему?
- Не знаю.
- Чтобы руки не марать об него.
- А кто есть «блядина»? Какой поступок можно считать «блядским»?
- Не знаю.
- Тот, кто руку на вора поднял или, не дай бог, жизнь отобрал у него. Вот тот тогда и есть «блядина». А как его наказывают?
- Бьют.
- Нет. Убивают. Где встретил, там и убил. Руками, ногами, зубами.
- А как же... – Первоход растерянно крутит головой.
- А вот так. Ну, если ты считаешь себя «порядочным» арестантом. А иначе какой же ты «порядочный» арестант? А кто есть «суки»?
- Те, кто с «мусорами».
- Кто повязку надел, или работает на «мусоров», или завхоз. Понял? Вот, к примеру, в «красных зонах» людей ломают. Убивают.
- Как?
- Физически. Бьют день, неделю, пока не сломают. А ломаются многие, к примеру, есть такая зона «красная» в Соликамске. Туда привезли десять воров. Били страшно. Руки ломали, ноги. Закрывали в БУРе и ломали бульдозером стены. На них все падало. Так вот, из десяти восемь сломалось. Так то воры были... А вот, к примеру, лишили тебя мусора «положняковой» «свиданки» или передачи. Что будешь делать?
- Бороться.
- Как?
- Не знаю.

– Надо садиться на голодовку, но как? С начала ставишь в курс, кто за положением, а потом начинаешь голодовку. Добро получил – и вперед. Чтобы самостоятельности не было. Сел на голодовку, а мусора это выяснили. Баландер же им сообщит, что хата такая-то чего-то там мутит. Завтрак не взяли. Обед, ужин. А вечером мусора вывели всех на продол и давай долбить и насильно кормить. Так вот, как этого избежать? Не знаешь? Срочно заявление на «хозяина» написать о том, что потому-то и потому-то начали голодовку. Вот тогда они как шелковые становятся. Потому что эта заява идет сразу на прокурора по надзору. И они такие ласковые становятся – пиздец! А можешь ли ты сам по своей инициативе начать что-либо мутить? Нет, не можешь, только поставив в курс, потому что люди из-за этого пострадать могут. А для того чтобы избежать красной зоны, есть только один способ.

– Какой?

– Чтобы тебя в другую перевели. Как это сделать? А начать пиздить мусоров.

– Так убьют же!

– Естественно. Бить будут страшно. Как ты хотел. Это зона. Но не бойсь, это первые три дня больно. Потом привыкаешь. И тебя по-любому переведут в другую зону. А в «красных» зонах встречают и пиздят не мусора, а «козлы» с повязками. Прямо молотками пиздят, которыми шконки и стены пробивают. Видел с утра на проверке? Вот ими и пиздят.

– ... мне, например, по УДО уходить неприемлемо. Потому что бабок у меня нет, а по-другому – это представляешь, сколько людей нужно сдать? Охуеешь! А иначе кто ж тебя досрочно выпустит? Смеешься. Хотя, конечно, сейчас многое поменялось. А вот раньше скажи любому старому арестанту, что на прогулку с бутылками воды идут или гирьки делают, отжимаются там, боксом занимаются, он бы охуел. Раньше это было невозможно. Неприемлемо. Спортом на воле нужно заниматься, а здесь тюрьма. Подытожим: любой порядочный арестант, если он не балласт, если ему не только пожрать баланду и жопу на шконку забросить, должен интересоваться ситуацией на центральной или в зоне. Знать, какой ход, кто за чем, кто за общим, кто за игрой, кто за больничкой, кто за положением, где сидит, сколько на центральной воров, кто где сидит. Обращение, прогоны знать обязательно. А вот чем обращение от прогона отличается? Прогон – это от воров, а обращаться каждый может. В общем, и на тюрьме, и на зоне вести себя нужно очень и очень осмотрительно. Каждое слово, я уже не говорю поступок, нужно взвешивать. За слово спрос бывает. Тут человека просто так оскорблять нельзя и называть словами разными тоже. Потому что названия «козел», «петух» остальные свой смысл имеют. Так неосторожно назовешь, и пиздец – приехал. Вот, к примеру, какой потолок по игре?

– Полторы тысячи рублей, – радостно сообщил новенький.

– Молодец. Знаешь. А как называют того, кто в срок не отдал?

– Фуфлыжник.

– Верно. В срок не отдал – фуфло двинул. А кто треплется без меры и слово не держит, а? Пиздабол! А вот, к примеру, такая ситуация: попал ты в «петушиную хату». Спецом мусора такой прокладон тебе сделали. И что?

– Что?

– Чего делать будешь? Ломиться?

– Ну не знаю. Что тут сделаешь, если хата целая?

– Во! А у меня бы они сами пачками ломиться стали. Пока бы все не выломались или же меня из той хаты не перевели бы в другую, нормальную.

...и конечно «почта». Потому что «дороги» – это движение, это основное.

– А если все-все отберут? И «дороги» поотбирают?

– Ну, даже если забьют решки – и что? По мокрому пустим, через дальняк, то есть. Дальняка хату лишить нельзя. Себе дороже.

– А если все подчистую выметут? Свитера, баулы, носки, майки?

– Все отобрать не смогут. Не придумали еще вещей без ниток. «Дороги» истребить невозможно, как невозможно истребить силу духа, волю и человеческую жадность. Все отберут, а за деньги все же принесут сами. Они же живодеры, как раз на этом и наживаются. Это Москва – дорогой город, а где-нибудь в Сибири за пачку «Мальборо» – у-у-у! Для этого общак и существует. Куда «общее» идет? Для чего «разгон» идет? И для этого тоже. А потом, на воле тоже люди есть.

...И каждый на виду. Тут ведь двадцать четыре часа кругом глаза. Особенно долго не сможешь притворяться. Устанешь скоро, и все наружу вылезет. Хочешь не хочешь, но вылезет.

...Я себе много есть в тюремной системе не позволяю. Быстро привыкнешь, а дальше этап. А там хорошо, если есть дадут. Могут одну селедку кинуть – и все. И воды кот наплакал. На всех. И в туалет не допросишься. А если еще вологодский конвой попадется – пиздец! А могут и год катать, и два. Есть такие случаи, что спецом весь срок на колесах. Так что нужно уметь голодать. Сколько? Ну, пока ситуация не устаканится, пока в зоне не осядешь. А там уже проще. Хотя опять же, какая зона попадется. В иной за вот такую пайку хлеба, – и бывалый рукой показал на стандартный кусок хлеба, – в жопу с радостью дают. Если бедная зона, если грева с воли нет, да еще и нерабочая – приплыл. Дадут баланду, а там в мутной воде один капустный лист плавает. И все! Не разжиреешь! Это хорошо, если с воли помощь есть. Тогда еще как-то можно протянуть. А у многих на воле никого. И ждать помощи неоткуда. Представляешь, отсидел человек десять лет, всех близких потерял. Жена ушла, мать, отец умерли. А тебя второй раз взяли. И что? Все. Квартиру, если была, уже прибрали доброхоты. Имущество ушло давно. Помощи нет и ждать не от кого. Есть, конечно, умельцы – руками работают. Или «заочниц» заводят. Ведь не от хорошей жизни. А «заочница» – это хоть какая-то поддержка. С поддержкой с воли не пропадешь по-любому. Но это не у всех. Так что в основном нищиеб на нищиебе сидит и нищиебом погоняет. А если еще зона «красная» – все: сломают, убьют, здоровье отнимут. Так что тюрьма и зона – это две особые планеты. Типа Марса и Венеры.

С такой заточкой (лицо) тебе десятку дадут – не меньше.

Боже! Вырви меня из цепких лап правосудия!

Жизнь человека на ОК (Общий корпус) напоминает поездку в переполненной электричке. Чтобы продвинуться на пару шагов, надо лавировать среди людей, занятых каждый своим делом. В таких условиях всякий вынужден чем-то себя занимать. Подавляющее большинство курит, как перед расстрелом. Тот, кто не курит, ищет, с кем можно покурить одну сигарету на двоих или стрельнуть, если повезет, целую сигарету для себя. Половина либо что-то жует, либо готовит себе пищу. Прием пищи заканчивается только перед проверкой и во время нее, зато после проверки на еду набрасываются с диким аппетитом. Когда заканчивается прием пищи (а это, повторюсь, у всех индивидуально), начинается употребление чая (в системе чай называется купец) или чифира. Гул в помещении даже не стоит, а висит практически круглосуточно. Если вдруг ночью «хата поймала тишину» (техническая необходимость для функционирования «дороги»), тут же просыпаешься. Тишина в хате не предвещает ничего хорошего. Затишье перед бурей.

О чем говорят? Да обо всем. Но о чем бы ни говорили, в результате все сводится к делу. Когда заканчивается разговор о своем уголовном деле, сползают на тему машин, спорта и обязательно о «пизде и пряниках». Любой разговор о делу сводится к очередному вербальному подтверждению своей полной невиновности, в крайнем случае, если преступление явное, к его абсолютной недоказанности и, как следствие, к беспределу мусоров-пидарасов. Тема мусорского беспредела – третья по счету после темы «пряников и пизды». Во время юридических разговоров делаются самые радужные предположения о выходе из создавшегося положения и освобождении. Главная мечта – выход на суде. Вот-вот суд, а там ввиду полной «шляпы» по делу «нагонят» прямо с зала заседания. И самая сладкая и трепетная тема – грядущая амни-

ствия. Тут мнения расходятся: одни говорят о возможной «золотой» амнистии, ну, как в пятьдесят третьем году, или такой, которая непременно затронет всех тяжелостатейников (это если больше десяти лет срока). А вот этих-то «пассажиров», «военнопленных», которые тусуются на «вокзале», вообще пачками «нагонять» станут. При этом мусолят слухи, что на «Пресне»-де один баландер самолично видел гуиновского генерала, раскладывавшего карточки, – то есть уже начали подбор тех, кто, сто пудов, подпадет под амнистию. При таких слухах мрачнеют только те, кому светит ПЖ (пожизненное). Такие граждане крайне громко и свирепо рассказывают о мусорском беспределе в «красных» зонах и шепотом делятся друг с другом возможными вариантами своей дальнейшей судьбы в случае начала гражданской войны или при ядерном ударе. Потом, как правило, все дружно употребляют чифир, и общение, совершив вербальный круг, возвращается к «пряникам».

Мусорской беспредел – важнейшая тема в жизни зека. Тут есть масса нюансов, и всегда есть о чем поговорить. Тюрьма отличается от тюрьмы, регион от региона, тюрьма от зоны. Опять же зоны разнятся по цвету и по регионам. И у всех своя специфика.

Всем понятно, что «черный ход» лучше «красной зоны» – разница в нюансах и составляет суть разговоров. Например, как именно быют или как шмонают. И обязательно при этом подчеркиваются непроходимая тупость мусоров и смекалка и выдержка зеков. «Козлов» не любят, их поступками, их существованием дружно возмущаются даже те, кто завтра добровольно станет «козлом». Семья и воля – тема трепетная. Люди мужского пола делятся на гондонов штопаных и настоящих парней, а бабы – на блядей и шлюх (их большинство) и верных жен, подруг и матерей – это святое, теплое, светлое, единственное радостное. Детьми, как правило, гордятся и желают им самой лучшей доли.

Помимо внутреннего разделения на гондонов, пропидоров и настоящих парней, люди делятся на терпил, коммерсов, стремяг, воров, братков, мусоров и синяков. Мусоров и синяков априори не любят: что с них поиметь? Ясно, нечего. От первых жди неприятностей, а от вторых и ждать-то нечего. Терпилы почти все, как правило, пидоры и гондоны, а коммерсы могут стать источниками новых жизненных средств, хотя, если внимательно на них посмотреть, все они тоже гондоны и пидоры.

Нововведения в поведении и внешности здесь не приветствуются. Чрезмерная болтливость – тоже. За внешний вид запросто могут в разговоре сделать человека пилотчиком, лизуном или самососом, а уж за серьгу в ухе в перечисленном ряду можно оказаться легко. Расправе и «определению места» предшествует ласковый и проникновенный разговор о семье, жене и сексе. Если во время этой душевной беседы слышат то, что хотят услышать, следует радостный вопль и человека определяют под шконку или на «веник», тряпку или дальняк. Хорошая физическая форма, мускулы и способность к рукопашному бою, как правило, в такой ситуации не помогают. В камере, где пятьдесят-восемьдесят человек, справиться со всеми невозможно: толпой замнут, задавят, забудут. Физическую силу уважают, но знание внутренней жизни, ее законов не идет с ней в сравнение. Знание и опыт перевешивают.

Зверство не приветствуется. Беспредела не любят. Если уж быют, то, как правило, за дело. До смерти избивают крайне редко. Морально же глумиться могут бесконечно долго – скучно же!

Если место определено – «пальма», его поменять можно на более престижное, нижнее. А вот подняться из опущенных, поменять масть, невозможно. Можно «засухариться», но если это обнаружат, накажут страшно. Как правило, обнаруживают. «Засухарившихся» пидоров, шнырей, баландеров вычисляют. Каким-то животным чувством, но вычисляют. Очень умных, как и сильно умничающих, не любят. Любое выделение из общей массы в системе настораживает.

Бытие определяет сознание. Сiju в тюрьме, кругом уголовники попережку с зеками. Ем баланду. Так что же там у меня в сознании может быть?

Вот уже три раза Наташа прокатила меня с «кабаном». Что это? Случайность или свой ресурс ко мне она уже исчерпала? Мрачно! Все мрачно! Бедная, бедная девочка. Третий раз не попала. Вчерашняя очередь вытеснила сегодняшнюю. Баррикадировались, дрались. Работало одно-единственное окно приема передач. Прошло семьдесят человек из двухсот желающих. При старом хозяине, Прокопенко, такого не было. Часть продуктов испортилась. Наташа с ними вернулась домой. Ужасно. Я от недостатка информации сiju и «гоняю». Предположения были самые мрачные. Недостаток информации в такой ситуации приводит к активизации самых мрачных фантазий.

6 мая. В газете прочитал о уже третьем клонированном ребенке. Причем двое предыдущих – от гомосексуальной пары. Вот и начало конца света. Вот и возможность появления Антихриста. Почва уже подготовлена.

Народная примета: если во время автомобильной аварии машина сбила человека и у него с ног слетела обувь, значит, потерпевший не жилец. Даже если он еще жив, то обязательно «двинет кони» в больницу.

У некоторых их тюремные страдания выливаются в «нервяк», который приводит к активному набиванию кишки. Едят до десяти раз в день, если позволяют средства и возможности. В результате этих страданий некоторых разносит так, что обалдеть можно.

Как это все будет вспоминаться через лет десять? Ужас или милое происшествие?

Пришла в голову такая мысль: во время Второй мировой на территориях, оккупированных Германией, немцы ввели в обиход оккупационную марку, ею расплачивались за все. А вот мы в Европе вводили нечто подобное? Или расплачивались рублем, или вообще не платили?



Оказывается, есть такое понятие «коэффициент удачи». По мнению ученых, везение – свойство враждебное. Ни социальные, ни генетические предпосылки не оказывают на него никакого влияния. Судьба одаривает им только тех, кто не вмешивается в естественный ход развития интересующих их событий и никаким образом не провоцирует их скорейшее завершение. Если, например, рассматривать этот процесс с точки зрения баллистики, то попадание пули в цель зависит от совокупности нескольких случайных величин: силы ветра, твердости руки и т. д. Психологические процессы во многом подчинены тем же законам, поэтому ученые советуют не создавать себе подобных величин, тщательно обдумывая и планируя события. Наверное, утверждение спорное, но, может быть, действительно, спонтанность – мать удачи, хотя и антагонист сознания.

Оказывается, рыжим от природы в случае необходимости требуется на двадцать процентов больше обезболивающих препаратов, чем прочим. У рыжих болевой порог значительно выше, чем у остальных.

Злопамятные люди имеют различные проблемы со здоровьем. Забывающие обиды обладают большей устойчивостью к стрессам и лучшим физическим здоровьем.

6378 км – экваториальный радиус Земли!

Кавказец попросил:

– Дайтэ полкыло кильбасы.

Жизнь на ОК – это отдельная история, связанная с бесконечной цепью всевозможных неудобств и лишений. Первое неудобство – отсутствие пространства. Мало, что там его мало, – его нет. Ежесекундно требуется место, чтобы сидеть, стоять, лежать, есть, общаться, пользоваться туалетом и т. д. По камере не пробежишься, не то что не поймут – физически негде. Любое выделение из общей массы опасно. А вдруг ты сумасшедший? Больной? Провокатор? «Диагноз отрабатываешь»? А если так – ты уже физически опасен. Границы между нормальностью и ненормальностью крайне зыбки. Чуть не так – и ты их уже переступил.

Беседа с художником:

- Портачки бил?
- Бил.
- А где бил?
- На Бутырке.
- Кому бил? Где сидел?
- В сто пятидесятой хате.
- Осужденка, что ли?
- Да.
- А как бьешь, тенями или контурами?
- И так, и так.
- Так кому бил?
- На воле бил.
- А... на воле (разочарованно).

Тихо. Тихо, но неотвратимо пришло 12 мая. Так же неотвратимо когда-нибудь придет и день моей смерти. Но думать об этом не хочется. Хочется думать о жизни – о жизни на воле.

Тут в журнале «Медведь», так себе журналчик, обнаружил интервью с неким писателем Ростовским (явный псевдоним, и весьма убогий, по нему можно судить и о творчестве этого писателя). Так вот, Ростовский позиционирует себя как специалиста в криминальной области. Утверждает, что хорошо знает тему и написал две книги. Дурацкие вопросы и идиотские ответы. И, главное, сам Ростовский на фото во всяких ракурсах: золотые цепи крупно, перстни крупно.

15 мая. Дело закроем тридцатого, то есть через две недели. Терпение. Терпение. Терпение.

16 мая. Дни и даты выстукивают, как пульс. Из разговора с женой понятно только одно: как жаль, что полностью исчез источник денег. За этим неприятным событием пришла неизбежная необходимость работать. И наступила полоса отсутствия многочисленных мелких, но очень приятных удовольствий. Машина, вещи, продукты, отдых. Раз – и этого всего не стало. И очень обидно, что ничего не оставил гад (то есть я) такого, что можно было бы продать и продлить это прекрасное время удовольствий. Когда реально прекратилось поступление денег, изменился и размер гордости.

Брат до сих пор, похоже, не понял ситуацию, и ему это все решительно не нравится. А как это может понравиться? Кем надо быть, чтобы тебе это понравилось? Такое жуткое изменение. Вчера еще безусловный лидер, руководитель огромного холдинга – и все на фоне полного безденежья. Мне, конечно жаль свою жену и как человека и как женщину. Но наше расставание – это ее стратегическая ошибка, совершенная за четыре года до моего ареста. Тогда я ее простил.

Но что бы я ни делал, как бы ни хотел, того марта из головы уже не выкинуть. Вероятно, не будь того марта, и дальше ничего бы не случилось. Вероятно, у меня была слишком высокая степень доверия к ней. Все рухнуло в одночасье. Хотя «в одночасье» – это я, пожалуй, вру. Долго еще сыпались осколки доверия, очень долго. И слепить из них что-то путное мне так и не удалось. Очень тяжело я болел ее изменой. Очень.

18 мая ознаменовалось еще одним шмоном. Мне повезло, я почти не пострадал. Вероятнее всего, завтра нас всех переведут в другую камеру. Посмотрим.

17 мая. Был день рождения отца. Это уже почти полузабытая дата. Из области почти нереального.

20 мая. Присел 210 раз. Набором. Помнится, в детстве на спор с отцом я присел 250 раз. Спорили на 300. Сейчас вижу, и 300 можно сделать. Результат – болит все, что может болеть. Состояние организма, как после вчерашней хорошей пьянки.

Сидя за «дубком», на втором ярусе я видел ноги дагестанца. Его натруженные, стоптанные ступни напоминали нижнюю часть нарезного батона.

ПРОШЛЯК – раскоронованный бывший вор.

4 сентября. А я все еще жду. Прошел объявленный срок, конец лета и еще одна дата, 2 сентября. Вот уже 4 сентября. Что еще ждать? Видимо, Нового года. Ну что ж, до Нового года осталось всего 116 дней, и, похоже, встречу я его именно здесь.

Вчера покатали на машине. Везили как возможного свидетеля по делу «оборотней в погонах» в прокуратуру. Один только вид – просто улиц, людей, машин, домов, возможность пройти по земле (в тюрьме по земле не ходят никогда) – вызвал приступ нестерпимой тоски. Они там, на свободе – ходят, ездят, суеются, живут. Просто живут, даже не представляя себе, какая это ценность. Я же продолжаю гнить на центральной в буквальном смысле слова.

Вежливые прокурорские работники вежливо навесили наручники, вежливо покормили из прокурорского буфета. В чистеньком кабинете по стенам много бумажных мешков с явно изъятой документацией. Чистенький туалет, евроремонт. Джип вместо автозака. Вежливая беседа неглупых с виду людей.

– Спасибо. До свидания.

Наручники вежливо «кляц». Участило:

– Не жмет? Удобно ли?

Джип, мигалка, МТЦ. Крайне вежливо:

– У вас, наверное, финансовое образование? Какое-какое? А второе РАУ?! О! Сильно!

И на прощание ну очень, очень вежливо:

– Удачи на суде. Только вам, искренне!

Наручники кляц – открылись. МТЦ. И для вновь прибывших, оглушенных арестом, очумевших, в шоке прибывающих, в непонятках находящихся:

– Тебе говорю, урод! Вещи, ебена мать, с собой брать! С собой, ебанный в рот, а не на пол!

Вот я и дома. Все встало на свои места: грязь, запах краски и дерьма. У нас «дома», на МТЦ, тоже, знаете ли, ремонтируемся. И гнусная, клопиная нора – хата 131. У, гады!

Да воздастся тебе, гнида К-ов. Да воздастся тебе, сволочь Мак. Чтоб лопнули вы за мои деньги. Чтоб каждый мой рубль поперек глотки вам встал. Поперек желудка, поперек прошел через весь кишечник и еще долго-долго кособоким поперек выходил из ваших жирных геморроидальных жоп!

Я же тем временем продолжаю отчаянно чесаться. Клопы тихо делают свое дело – жрут!

Пока я упиваюсь цветом,
Глотаю с жадностью картину улиц,
И восторгаюсь просто светом,
Наличием домов и массой лиц.
Мне подарили три часа,
Я память освежил.
За эти «просто три часа»,
Я полностью ожил.
И пусть по-прежнему сопровождение,
И пусть потом назад.
Глоток свободы – страшное везенье,
Я этому ужасно рад.

14 сентября. Шторки в «танке» заколебались, затем хлопнули «тормоза», и шнифтовой прокричал:

– Новенький!

Обычное явление: закинули еще одного бедолагу. Через минуту донесся вопль:

– А! И-и-и-!!! – Затем грохот падающего тела и крики: – Ложку, ложку! Весло давай! Да держи его, держи!

И прозвучало:

– Эпилепсия!

Я выплянул из «танка» в надежде узнать, кого скрутило на этот раз. Хрипел и бился новенький. Эпилепсия всегда неприятна, а в тюрьме это вдвойне отталкивающее зрелище: грязь, кровь из разбитой головы, слюни, встревоженные лица, всеобщее напряженное внимание.

Бедолага отошел крайне быстро. Ну, оклемался и оклемался. Тут и не такое увидишь. Я пошел на дальняк, отметив про себя, что у новенького «бедолаги» на удивление мерзкое лицо. Типичный дегенерат-вырожденец. Внешне очень неприятный тип. Вооружившись бутылкой из-под кетчупа, наполненной водой (я не мусульманин, но чистоту тоже люблю), закрыл за собой шторы и взгромоздился над чашей «Генуя». Дальняк – единственное место пусть временного, но уединения в хате. Сосредоточившись, организм запускает исход, процесс пошел. И в этот самый момент, в момент процесса, шторка откинулась, и мне явилось рыло этого самого новенького. Вместе с частями исхода у меня отпала челюсть. За два года пребывания в тюрьме (и, забегая вперед, за всю мою тюремную биографию, а она была немаленькой) такого я еще не видел. Всякое случалось, но чтобы кто-нибудь влез в занятый уже дальняк – никогда. Рыло открыло рот и предложило мне подвинуться. Оно хотело бросить в отверстие чаши «Генуя» бычок! Шок! Я орал так, как если бы эта субстанция кинула все же сигаретный окурочек и тот, попав мне в гениталии, прожег бы их насквозь. «Торпидон» потом сказал, что таким он не видел меня никогда. Действительно, орал я знатно.

В очередной момент, проходя мимо этого идиота, я поинтересовался:

– А звать-то тебя как, чудо-человек?

– Зови меня Санек или просто Волчара, – охотно сообщило чудо.

Я от неожиданности аж поперхнулся.

– Какой ты, нахуй, Волчара?! Скорее бандерлог.

Санек не обиделся.

И убийцы, оказывается, бывают милыми людьми.

Из истории спорта. Всю жизнь простоял на низком старте в ожидании выстрела. Выстрел прозвучал, но попали ему прямо в задницу.

Из истории театра. Всю жизнь играл. Иногда получалось убедительно. Не всегда. Он совершенствовался. Переживая настоящие эмоции, запоминал свое состояние и нес его на сцену. Потом сравнивал. Потом сравнивал получившееся с настоящими эмоциями. Потом решил перенести кое-что со сцены в жизнь. Доводил имитацию в жизни до совершенства. Провоцировал всплески эмоции, намеренно скандалил так, чтобы быть уверенным в своей убедительности. Все время внутренне сравнивая: натурально? похоже? Дошел до совершенства – разницу между настоящей и сыгранной эмоцией различить было уже невозможно. Казалось, этого мало. А что, если замахнуться на вечное? Что, если симитировать смерть? Симитировал блестяще! Не раскрывался до конца. Его так и похоронили, не сумев отличить игру от реальности. Опомнился он только в гробу. Понял, что заигрался, но было уже поздно – гроб закопали. А жаль, жил бы и жил.

Из истории сыска. Ради плана посадил себя, подведя под 162, часть 2.

Из истории любви. Любил себя самозабвенно, до такой степени, что от этой страстной любви стал непроизвольно размножаться почкованием и делением.

Из истории химии. Смешивал все подряд. Смешивал, смешивал, мешал, мешал и помешался.

Из криминальной жизни. Сам у себя украл часы и себе же продал за фальшивые деньги. На этом и попался: деньги у себя украл и понес их в магазин, где и повязали.

Из истории криминальной любви. Так любил жизнь, что трахнул ее. Она заявила на него, и его посадили за изнасилование.

Из истории патриотизма. Отдал свою жизнь за родину другому государству.

Смешливый. Смеялся над всем, даже над собой. Когда сломал ногу, смеялся так, что лопнуло в животе. На операционном столе от хохота захлебнулся и помер. На похоронах покойник продолжал улыбаться. Говорят, из могилы до сих пор доносится веселый смех.

Стоял, как памятник самому себе. Был в этом так убедителен, что его перепутали с настоящим бронзовым памятником и украли. Украв, сдали на цветной лом. Все открылось во время переплавки.

Хирург. Сам себе сделал операцию: вырезал все больное и вообще все лишнее. Но так увлекся, что забыл в себе кучу зажимов и инструментов. Так и ходит с ними, позвякивая. Оперирует и позвякивает.

Каратист. Долго искал возможность выучить китайский язык. Выучил, потратив много лет. Долго искал возможность найти хорошего тренера. Нашел. Стал суперпрофессионалом. Долго искал возможность поехать в Китай. Поехал. Долго искал Шаолиньский монастырь. Нашел.

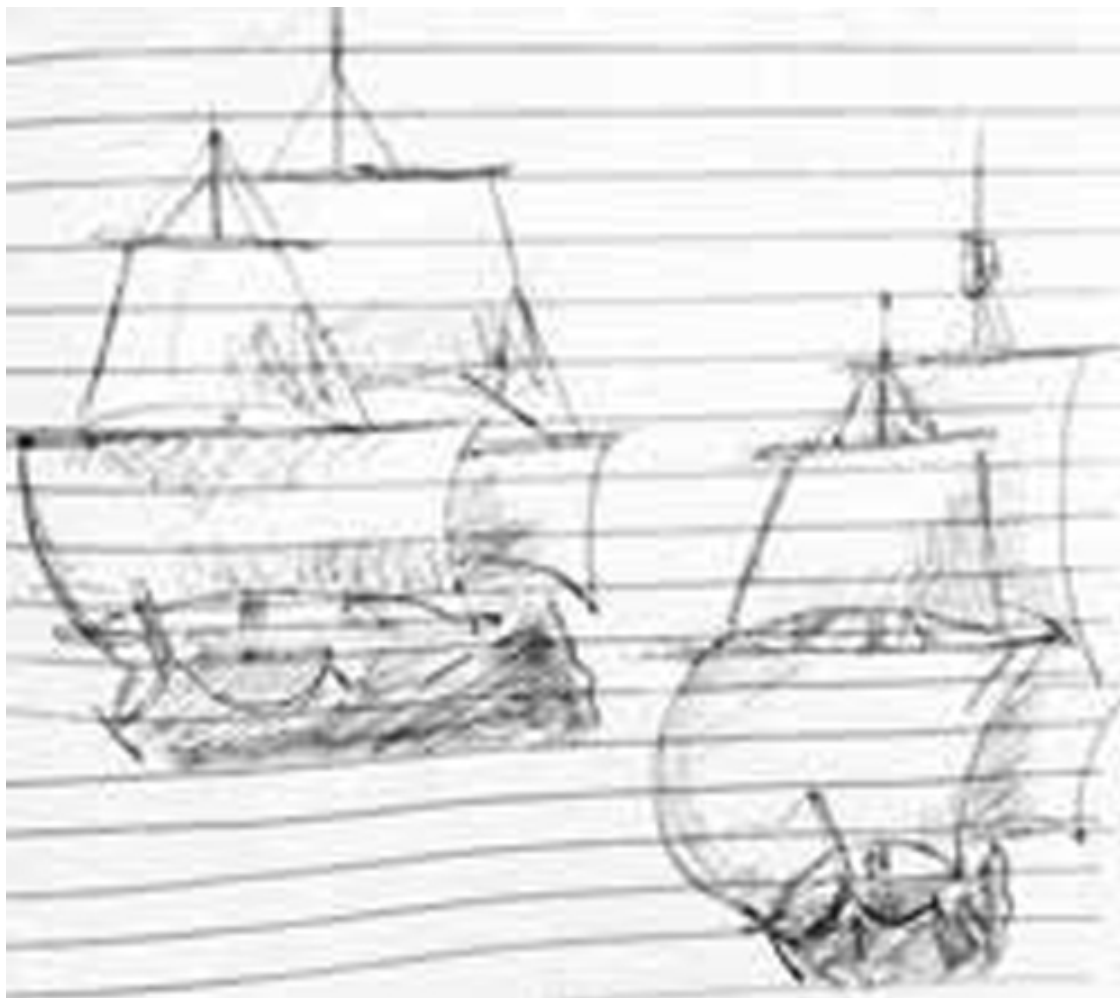
– Вы из России? – спросили шаолиньские монахи.

– Да.

– А можете нам помочь? – с надеждой спросили монахи.

– Конечно.

– Не могли бы вы проводить нас до рынка в Лужниках? У нас есть хороший и очень дешевый товар.



Честный человек. Он был настолько честен, что когда его «раскалывал» следак, даже ему, следователю, стало понятно, что перед ним честный человек. Следователь настолько в этом уверился, настолько проникся, что раскололся сам. Однако сели оба.

Крутился всю жизнь. Крутился, крутился и скрутился в узел. Таким его и доставили в Склиф.

– Н-да! – сказали медики. – Надо резать!

Разрезали на несколько частей. Теперь крутится, чтобы эти части грамотно сшили.

История человека-невидимки. Страдал утонченностью. Довел свою утонченность до совершенства, до такого состояния, что совсем исчез из виду.

Умение договариваться. Обладал удивительным умением договариваться. Умудрился договориться и родился через кесарево сечение. С матерью нашел контакт практически мгновенно: сосал сразу две груди. В школе мгновенно договорился с учителями: обучался на дому, учителя бесплатно ходили к нему сами. В институте, договорившись, сразу же поступил на дипломный курс и тут же, договорившись, получил должность. Договорившись, сразу сумел стать и чиновником, и политиком, и бизнесменом. С женой договорился до свадьбы: она его

вообще не беспокоила, но по договоренности родила двоих сыновей и даже по поводу детей не беспокоила. С врачами и властями договаривался мгновенно. Лечили его всегда бесплатно, а за воду и электричество государство ему само доплачивало, причем по двойному тарифу. Перед смертью договорился и получил место у Кремлевской стены. Попав в чистилище, тут же стал договариваться.

– И что? Договорился?

– Говорят, что да. Вернули обратно.

Всю жизнь постоянно начинал все сначала. Умирая, подумал: ну, уж там точно начну все сначала.

Он не просто кашлял, он кашлял с припердываньем.

20 сентября. Все, все безрадостно.

Только и слышу: «Сто шестьдесят вторая, часть два. Пидор-следак хотел перебить на другую статью – не дали. Может быть, на суде?..

««Два эпизода...» «Терпила-сучка не захотела менять показания. Уж и деньги предлагали, мать ездила...» «Судья-гнида выставила тридцать зеленых за двоих, а собрали только десять...» «А я ему на “очнике” говорю...» Автозак набили до такой степени, что дышать невозможно, и на Бутырке пять часов простояли...» «А я ему говорю: пятьсот – одно пиво. Одно пиво и все. Так мусорило – сволочь мне в ответ: мы за пятьсот даже останавливаться не будем. Вот если бы штукать, так что ищите штуку. А где ее найти?...» «Прокурорша-тварь как заголосит... А я говорю: мама, плюнь ты на этого адвоката, он только деньги сосет. Что так сидеть – десятку, что с ним. Только без него деньги целее будут...» «И вся «сборка» ну, давай ржать... «С суда нагонят. Перебьют статью и нагонят...» Пидорасы-мусора подняли цену на спирт. Сколько? Две тыщи уже». «Так было же полторы?» «И! Милый. Это когда было? Сейчас уже все...» «Письма... письма... А мне не пишут. Уже некому. При второй ходке писать уже, как правило, некому».

Какие же некрасивые пальцы ног у мужиков.

Что ты дергаешься? Все. Угомонись, успокойся. Запомни – дальше тюрьмы не уедешь. Радуйся, что все страшное позади. Уже не посадят. Уже сидишь.

– Это разве везет? Это только подвозит!

Мир населяет невероятное количество дураков. Их столько, что создается впечатление, что они являются основой нашего мира.

Добро и зло – явления одного порядка. Аверс и реверс. Очень легко добром сделать зло. И, как это ни покажется странным, зло можно употребить во благо. Добро и зло – это две дубины: и той, и той можно легко убить. Глупо думать, что, совершая добрые поступки, делаешь благо. Очень может запросто быть наоборот.

Мало сказать, надо еще сделать так, чтобы быть услышанным.

Не давай в долг, если хочешь жить долго и счастливо. Давая деньги в долг, ты либо отдаешь от себя человека, либо наживаешь врага, либо рискуешь собственной жизнью. Искусство давать в долг в том, чтобы не давать в долг. Если ты уже совершил эту глупость, то постарайся ее максимально сгладить. Я имею в виду залог, юридический. Нотариально оформленный. Некоторые скажут: это низко и недостойно для честного человека. Веры и порядочности достаточно. Вера – это воздух, субстанция невещественная. Вера может исчезнуть, доку-

мент остается. Хотя залог гораздо надежнее. Вспомним: любая организация оперирует такими понятиями, как договор, вексель, залог, кредит, обеспечение, и никогда не использует понятия веры, честности, порядочности, слова, когда речь идет о деньгах или материальных предметах. Не потому что там нет порядочных людей, а потому что система взаимоотношений уже отработана до мелочей.

Что знает второй – знает свинья. Старая добрая европейская поговорка. Кажется, немецкая. Никому не доверяйте все свои тайны. И уж совсем никому – свои самые важные, самые сокровенные тайны. Не становитесь заложником тех, кому сами по доброй воле, из благих побуждений, открылись. Доверив свою тайну, ты автоматически становишься заложником знающего твою тайну. Брат, отец, мать, сестра, дети – всегда может случиться резкая смена отношений. Деньги, наследство, долговые обязательства... И вот уже родственники превращаются в заклятых врагов, да еще знающих ваш характер, привычки, способных угадать линию поведения. А если еще они владеют вашей тайной?

Никогда, ни при каких обстоятельствах не доверяй жене своих сокровенных тайн. И уж совсем нельзя признаваться ей в изменах. Очень тяжело склеить стекло. Место склейки будет видно всегда. Жена вам друг до тех пор, пока не появилась другая женщина. Как только это происходит, жена из друга превращается в смертельного врага. Женщина может стерпеть почти все: нужду, пьянство мужа, даже избиения, тюрьму, больницу, но никогда – измену.

Теща хороша на расстоянии. Чем дальше, тем лучше.

Выбирая будущую жену, представь себе следующее: как она спит, как какает, как ее будет тошнить. Если все это не вызывает у тебя отвращения – хорошо. Дальше представь, как она поведет себя, окажись ты без денег, в больнице, в тюрьме, на зоне. Если и в этом будущая жена тебя устроит, то посмотри на ее маму. Именно так и будет выглядеть твоя жена в старости. Если тебя все устроило, хорошо бы остаться вам двоим на пару недель без телевизора, интернета, телефона и книг. Если и тогда не устанешь – смело бери ее в жены.

Не стоит хранить все деньги и ценности в одном месте. Глупо и опасно. Воры, пожар, обыск... Несчастье – и вы лишились всего. Одновременно в двух местах пожар или ограбление невероятны. Другое дело обыск. Но напасти от власти – это отдельная тема. Подальше положишь – поближе возьмешь, поближе положишь – возьмут другие.

Не стоит откладывать деньги на черный день, вкладывая их в вещи, которые трудно или невозможно впоследствии быстро и достойно реализовать. Срочная продажа ценных вещей несет за собой большие потери в цене. Стоит всегда иметь под рукой определенную сумму наличными на случай неожиданной болезни, ареста, смерти близкого и других жизненных напастей, которые поджидают нас на каждом шагу.

Думая о будущем, необходимо всегда иметь под рукой адвоката по уголовным и гражданским делам. И не просто адвоката (они, как правило, на 85–90 процентов невежды и жулики, или и то и другое одновременно), а действительно надежного и профессионального специалиста. Найти такого непросто. Вот поэтому этим нужно заниматься заранее. Адвокат – это торговец надеждой.

Не трепли языком попросту. Запомни: и грабители, и милиция просто так никого не беспокоят. Если такое случилось, значит, откуда-то просочилась информация. И тогда здравствуйте, домушники или разбойники, привет, тебе, родная милиция.

Серьезный вор никогда не полезет в квартиру или дом без наводки.

Хочешь резко выделяться из толпы – умей противостоять дуракам, ворам и властям.

Причина преступлений не бывает мистической или сказочной. Это всегда бытовая история, и она почти всегда лежит рядом с жертвой.

Милиция и бандиты – две стороны одной медали, которой тебя наградило наше общество.

Часто люди сами больше наговаривают на себя, чем все их враги, вместе взятые.

Наш мир – это люди. Люди в большинстве ленивы, бездарны, злы, завистливы, жадны и похотливы. Вот это все и двигает прогресс.

Никогда не стоит открывать душу другим. Получишь мимолетное удовольствие, а проблемы могут быть серьезные. В открытую душу обязательно плюнут. Отмываться придется долго.

Хороший друг – редкость. Надежный – редкое счастье. Ненадежный – прямая дорога в пропасть.

Ценность человеческой жизни в наше время почти сведена к нулю. Жизнь немногих к нулям. И всех к деньгам.

Не съедай за столом свою жизнь.



Чтобы до конца знать цену жизни, нужно столкнуться со смертью. Цена свободы узнается в тюрьме. Только голод дает познать истинную цену пищи. Ценность денег определяет нужда. Умственно, через размышления, книги, телевизор, интернет, разговоры это понять нельзя.

Если вокруг тебя сейчас нет достойных людей, это не значит, что их нет вообще. Либо они еще не появились, либо ты просто слепец.

Неразвитость личности – это порок, говорящий о безволии и лени.

Скудоумие – это данность, не подлежащая исправлению.

Развить можно все: волю, силу, ум, мужество, способности, юмор, вкус, работоспособность, осторожность. Нельзя развить только то, чего нет.

Тупых, глупых, грубых, неразвитых гораздо больше, чем умных, тонких, воспитанных, образованных. Это было, есть и всегда будет. Сколько нужно промыть песка, чтобы найти крупинку золота? Тонны. Однако во все времена ценилось именно золото.

Спорить с человеком бесполезно, бессмысленно, а иной раз и опасно. Ничего, кроме ненависти и неприязни, спор не принесет. Современные люди утратили искусство спора. Каж-

дая сторона в споре желает только высказаться, а не услышать собеседника и, тем более, понять его аргументы. Аргументами стали эмоции. Большое искусство – избежать спора.

Стоит стремиться к приобретению того, что у тебя нельзя отнять.

Стоит всегда быть выше толпы, но при этом совершенно не нужно и даже вредно показывать это толпе, да и знать это ей совершенно необязательно.

Умение терпеть и ждать – вот две трети любой жизненной философии. Вот что нужно для жизни.

Будь внимателен к жизни и крайне осторожен с ней. Бойся спугнуть или упустить удачу.

Строительный материал бывает отличный, хороший, средний и плохой. Строительным материалом может быть все. Отличное испортить можно, но сложно. Хорошее можно развить, улучшить, но можно безнадежно испортить. Из плохого тяжело сделать нечто хорошее, но при определенных усилиях и это возможно. И только один материал есть, из которого ничего сделать нельзя. Это говно. Из говна получается только говно.

Старайтесь не разговаривать с незнакомцами. Понимал ли Булгаков до конца смысл того, что написал? И совсем не стоит открываться перед неизвестными. Случайные знакомства ни к чему хорошему не приводят.

Просто так ничего не происходит. Один раз – случайность, два раза – совпадение, три раза – система.

Как правило, все секреты о себе человек рассказывает сам. Такое впечатление, что секреты сами рвутся наружу помимо воли человека.

Хотели бы вы иметь много, очень много денег? Не сомневаюсь, скажете «да». Следующий вопрос: а зачем, собственно? «Что за глупость! Были бы деньги. А на что их потратить, я найду», – скажете вы. Другими словами, дожив до своего возраста, вы точно не знаете, сколько конкретно вам нужно денег и, самое главное, на что они вам нужны. Теперь представьте себе: сидит на туче бог с мешком денег и прикидывает, кому их бросить. Тому, кто точно знает, сколько конкретно ему нужно и, главное, на что они пойдут, или вам, не знающему, сколько и на что? Как вы думаете, кому он бросит этот мешок?

Тут главное не расстраиваться: из двух тысяч человек, мной опрошенных, только семнадцать ответили приблизительно и только трое точно знали цифру и точные цели. Ответы «Положу деньги в банк и буду жить на проценты» в расчет не берутся.

Даже самый последний бомж может сообщить любопытную информацию.

Резкое, быстрое сближение неминуемо приводит к скорому отталкиванию. Это как в бильярде: столкнувшись, шары разлетаются в разные стороны.

Уметь удивлять – это искусство. Даже прожив с женой десять лет, нужно оставаться для нее загадкой, быть способным в ее глазах совершать неожиданные поступки.

Стоит помнить, что ваше богатство после вашей смерти будут делить ваши родственники, а это неминуемо приведет к проблемам. То есть своим богатством после смерти вы создаете проблемы вашим родственникам.

Умение помнить – хорошая способность. Умение забывать – искусство.

Да, забыл предупредить: если ты глуп, то эти советы тебе не пригодятся.

Если ты по природе тороплив, то, прежде чем что-то сделать или сказать, посчитай про себя до десяти. Или надобность отвечать отпадет, или найдется подходящая формулировка.

Телевидение и кино, а теперь уже интернет так запудрили нам мозги, что подавляющее большинство людей в своих действиях, словах и внешности невольно или намеренно подражают героям из телевизора или с экрана. Не живым людям, а персонажам. Объектом подражания стала иллюзия.

Что за бестолковые люди: проигрывать не любите, играть не умеете, не играть не можете!

Умей учиться. Начиная с самого раннего возраста. Делай это всю жизнь. Учиться нужно всему. Даже умирать нужно учиться. Знания становятся ужасом в руках тупого недоучки.

Многим книги читать вообще вредно. Прикоснувшись к знаниям, они буквально извращают их. Недоучки опаснее и хуже, чем просто неучи.

Даже самый некрасивый человек любит разглядывать свое изображение, например, в зеркале. Он выбирает специальный ракурс и с огромным удовольствием может долго собой любоваться.

Любое дело портят любители. Они способны разбавить и испохабить любое дело, любую затею, нивелировать любую профессию, превращая ее в любительский факультатив. Любители отбирают работу у профессионалов, похабя результат и обесценивая все, к чему прикасаются.

Не бывает бывших наркоманов. Есть только наркоманы затихарившиеся. Наркоман – конченный человек. Это уже даже не человек, а его оболочка, жаждущая только одного – дозы. Ни веры ему, ни надежды на него нет и не может быть. Что бы он ни говорил, чем бы ни клялся, каким бы убедительным и правдивым ни выглядел, стоит только появиться «лекарству» – плюнув буквально на все, нарк непременно ужалится.

Никогда не пытайся переломить ситуацию. Ни к чему хорошему это не приведет. Бывает, напрягаешься, тратишь все силы, совершаешь чрезмерные усилия, но результат, как правило, плачевный. Ситуацию нужно растить и лелеять, но бесполезно переламывать.

Не шути с судьбой. Судьба этого не любит и может пошутить с тобой.

Помни, что если тебе сейчас плохо, завтра может быть еще хуже.

Опасайся людей много обещающих.

Если в разговоре тебя перебили на начале мысли, не пытайся ее продолжать. Собеседнику твоя мысль или непонятна, или неинтересна, а значит, продолжать ее бессмысленно.

Любой поймет намек со второго раза.

Жалость унижительна и вредна, а в некоторых случаях – опасна.

Взрослого человека переделать уже нельзя. Попытки переделать взрослого могут вызвать только ненависть.

Не хочешь неприятностей – не делай одолжений.

Уже через десять лет профессия откладывает отпечаток на характер человека.

Не делай себя заложником своих обещаний.

Не торопись действовать, но, взявшись за дело, доведи его до конца. Будешь сам себя уважать, заслужишь уважение других.

Следи за тем, как ты ешь. Шум при принятии пищи свидетельствует об отсутствии воспитания. Жадность в поглощении пищи указывает на ненадежность человека. Не способный совладать с голодом не может быть надежным человеком.

Не жалея себя. Познать свой предел можно, только достигнув его.

Нужно всегда иметь свой жизненный план.

Если хочешь достигнуть высот в профессии или в обществе, найди человека, уже достигшего вершин, и спроси себя, хочешь ли ты быть на него похожим.

Если хочешь испортить дело, решай его по телефону.

Не верь печатному слову, в особенности если это слово исходит от журналиста. Профессия журналиста обязывает его всегда что-то говорить. Эта профессия сродни профессии проститутки. А если ласковее, Марк Твен говорил так: журналист знает обо всем, но не точно.

Укрывший рубль – вор. Укрывший миллион – миллионер. Любой миллионер, уважаемый человек, даже в тюрьме.

Не ищи порядочных людей на вершине власти, там их нет. Порядочный человек никогда не достигнет вершины.

Нужно быть хоть в чем-то профессионалом. Профессионалов всегда уважают.

Не стоит перебивать человека в желании высказаться. Умение слушать открывает удивительный мир.

Не пьющий и не курящий человек всегда подозрителен.

У всех без исключения есть свои недостатки. Если они незаметны, значит, их скрывают, если скрывают, значит, есть что скрывать.

Стоит всегда обращать внимание на человеческий смех. В манере смеяться раскрывается характер человека.

Не стоит верить педерастам. Они могут быть тонки в обхождении, могут иметь хороший вкус, даже случаются среди них талантливые люди, но никогда они не будут правдивыми и надежными. Стоит опасаться их любви, она может быстро перерасти в ненависть, а мстить эта публика умеет весьма изощренно.

Люди при исполнении не понимают и не принимают шуток.

Всегда стоит прислушиваться к себе. Интуиция и предощущение – великие вещи. Если тебя корбит делать что-либо, не делай. Подожди. Это интуиция дает тебе сигнал отбоя.

Слово вылетает легко, да попасть может тяжело.

С ограниченными людьми опасно иметь дело.

Лучше не иметь друзей вообще, чем иметь ненадежного друга. Ненадежный друг – источник будущих проблем или, хуже того, потенциальный враг.

Всегда хочется по-честному и как лучше, но никогда так не получается.

Нынешний век испортил людей обилием информации.

Фортуна любит внимательных.

Нужно заставлять себя думать, обдумывать свои действия, в особенности их возможные результаты. Даже провал в своих действиях можно использовать с выгодой.

Большое количество чего-либо обесценивает стоимость. Это относится ко всему, даже к жизни человека.

Мысли вещественны.

Не трать время попусту, на пустые разговоры, книги, газеты, кино, ТВ, людей. Жизнь скоротечна.

Научись жить так, чтобы тебе не было скучно с самим собой.

Большинство книг, как и людей, скучно и никчемно.

Не стоит принимать конец своего познания за конец мира.

Если уж ты живешь, то знай хотя бы, для чего и ради чего.

Игрок сродни наркоману – личность конченная.

С милицией спорить бесполезно и бессмысленно. Ничего доказать нельзя. Только просьба может возыметь действие. Просьба или взятка.

Никогда не груби незнакомцам.

Страстные фанаты футбола – люди, как правило, никчемные.

Следует всегда помнить математическую формулу: равенство неравных есть неравенство.

Мера и такт. Всегда и во всем – и ты существенно упростишь себе жизнь.

Доказывать словами все равно что забивать гвоздь пустой пластиковой бутылкой: шуму много – толку ноль.

Нет ничего такого, чего нельзя было бы достичь.

За деньги стать можно даже космонавтом.

Хорошие парни китайцы, но уж больно их много.

Если человек хвалится своими знакомствами, значит, нечем похвалить себя.

Хочешь узнать суть мужчины – посмотри на его жену.

Проще всего делать бесплатное добро.

Кто кого придумал: бог дьявола или дьявол бога?

Не стоит быть в этой жизни туристом.

Подобное стремится к подобному.

Нельзя научить черепаху лазить по деревьям. Да и не нужно!

Нет одной правды. Правд всегда много.

Человеческий организм на восемьдесят процентов состоит из воды.

Все в этой жизни имеет срок.

Красота не в пустыне, а в душе араба!

Подавляющее большинство всю свою жизнь потребляет эрзац.

О это сладкое слово «халява»!

Помни: уроды не дремлют!

По большому счету, никто никому не нужен. То же и у меня. То же и у тебя!

30 сентября. Снился брат. Пришел в гости в нашу хату и тут же раздавать карандаши с ластиком на конце. Дал три или пять шнифтовым. Я на него во сне очень рассердился. Я кричал: «Что за щедрость такая! Они же, гады, и писать-то не умеют!» И сны уже тюремные. Да и откуда другим взяться? Второй год я в тюрьме, а конца или понимания срока нет. Суда же не было, и до него как до луны.

Прежде чем воспользоваться медицинским или лечебным советом, касающимся улучшения здоровья, внешнего вида, зубов, продолжения жизни, узнай, сколько советчику лет, выглядит ли он на свой возраст, сколько у него болячек и сколько осталось своих зубов. Если ему сорок лет, а выглядит он пятьдесят с «биографией» – забудь о его советах.

Газеты – это бумажные проститутки.

Девятнадцатый век – железный. Двадцатый век – ядерный. Двадцать первый век – одноразовый.

Чем больше милиции, чем подготовленнее становится спецназ, чем больше появляется силовиков, тем хуже государство контролирует отдельных граждан.

Преступники – это гангрена общества, а милиция – мазь, с помощью которой пытаются лечить гангрену. Гангрену мазью! Не смешно ли?

Как можно в России не воровать? Немыслимо.

Порядочность женщин так же редка, как и ум.

Спесь женщины, как и ее грим: используется часто, смывается быстро и легко.

Информационный прессинг такой, что просто не успеваешь делать выводы.

Герой живет красиво – трус долго.

Хочешь доставить удовольствие женщине – подари цветы, хочешь доставить неприятности – подари щенка.

Наша цивилизация уже достигла старости. То же случилось и с личностью. Сейчас уже недостаточно быть просто умным человеком, как и просто образованным. Доступной информации невероятное количество, ее так много, что мало просто владеть информацией, требуется или ее чрезмерность, или сугубая эксклюзивность, более всего – свежесть. Как похотливому старичку требуется очень молоденькая девочка.

Просто жизнь человека уже давно никого не волнует. Только его нестандартные действия, или его собственность, или крутые родственники.

Нынче такое количество умников, то чтобы среди них выделяться, нужно быть умником из умников, или сверхумником, или наглецом.

Человеческий материал, полученный от природы, и образование – вот из чего состоит личность. Только природы, равно как и одного образования, недостаточно. Человек, сделанный из плохого материала, обречен портить жизнь себе и окружающим. Одного образования, что бы стать Биллом Гейтсом или Бродским, недостаточно. Нужен еще специальный человеческий материал.

Скрытность и неожиданность – залог успеха. Открытый человек как открытая мишень. Пустишь к себе в душу – и тут же плюнут в нее, или наследят, или упрут что-нибудь. Огласить замысел до его исполнения – погубить все дело. Его либо тут же украдут, либо раскритикуют так, что потеряешь охоту воплощать свой замысел.

Лучше пусть тебя просят, чем благодарят. Благодарность эфемерна. Место выжатого лимона – в сорной корзине. Полное удовлетворение ведет к апатии – в еде, в сексе, в дружбе, в службе. Не нужен начальнику – найдется другой. Не нужен детям – кто обеспечит твою старость. Не нужен родственникам, кто поможет в беде? Не нужен друзьям – некому будет выручить в тяжелом положении. Не стоит никогда полностью удовлетворять нужду в себе.

Счастье для жизни, слава для памяти. Слава бывает и недоброй и всегда сопутствует личности незаурядной. Любая незаурядность – по сути крайность. Не стоит путать славу и извест-

ность. Первое – результат достоинств, способности, труда, второе – работа массмедиа. Слава может быть надолго, известность рано или поздно приведет к забвению. Кто сейчас помнит великих актеров начала двадцатого века? Середины двадцатого века? А известных журналистов того времени? В наше суетное время слава может лишить тебя не только счастья, но и свободы и жизни.

Старайся общаться с теми, и только с теми, от кого можно чему-нибудь научиться. Как бы ни были хороши собеседники, они всегда воруют твоё время.

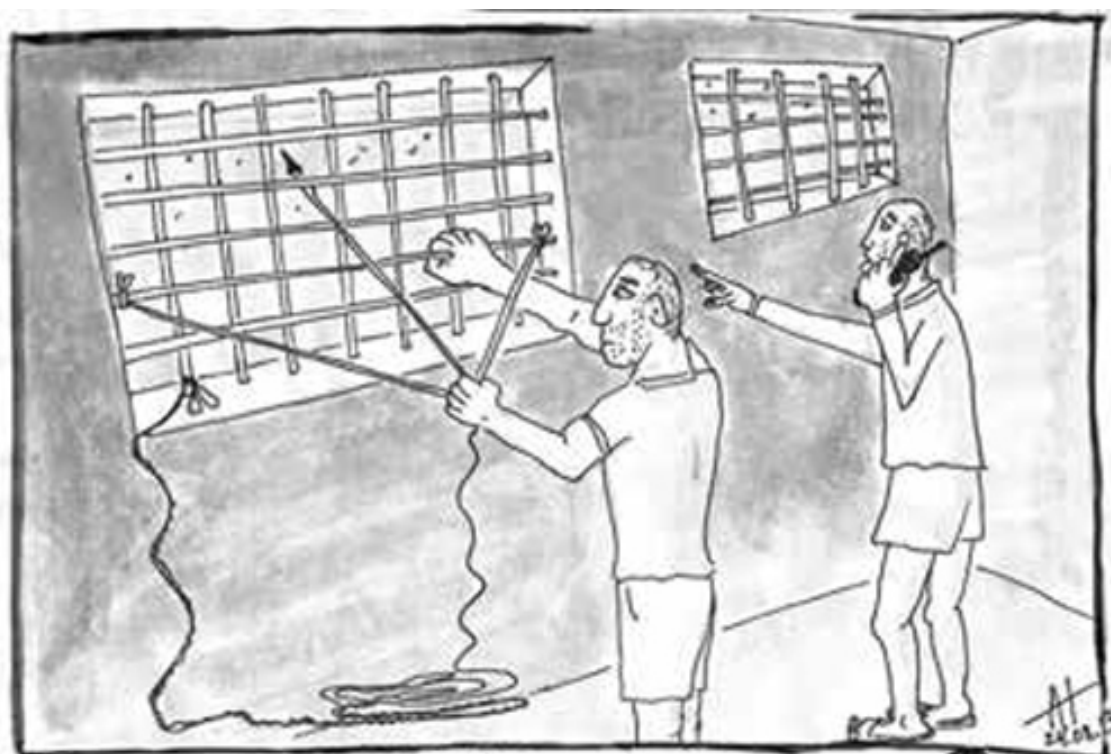
Неприятно, когда от человека дурно пахнет. Думаю, всем неприятно. Так же неприятно, когда от него отдает грубостью. Нет у тебя культуры – считай половина достоинств отсутствует. Нет культуры – гибнет натура.

Жизнь – это вечная борьба за место под солнцем, а значит, с другими людьми и с их проявлениями, и с их коварством.

Во всяком деле очень важно «как». Нет своих способностей, займи их. Не можешь занять, купи их. Держи мудрость в своем окружении или услужении. Большое искусство – постигать сложные вещи за счет ума других.

Постоянно меняй приемы, тем самым отвлечешь чужое враждебное внимание. Не делай того, что от тебя ждут или жаждут твои противники. Чем сложнее просчитать тебя врагам, тем легче тебе. Непонятность опасна, ее стараются избежать.

«Жопа» – основной двигатель любого дела в любой отрасли. И в учебе, и на службе. Я имею в виду усидчивость. Усердие – это и есть даровитость.



СТРЕЛА НА ВОЮ — ДОРОГА ЗНА



Недосказанность заставляет думать, пересказанность утомляет мозг, притупляет чувства и вызывает отторжение.

Добро не всегда побеждает.

Даже величайший гений может попасть в «щель истории» и провалиться в нее. Человек очень зависит от времени, в котором живет.

Юмор воспринимается охотнее, чем совет и, тем более, назидание. Хотя за юмором можно спрятать и то и другое.

Нужно уметь управлять своим воображением. «Включать» и «выключать» его по мере надобности. Плохо, если оно управляет тобой. У большинства воображение отсутствует вообще.

Не бывает идеальных людей, как и людей без недостатков. Умение управлять людьми – это умение найти индивидуальный подход к конкретному человеку. Каждый имеет своего идола. У одних это слава, у других наслаждение, и почти у всех деньги.

Ширина – раздолье для посредственности, растекаться по ней можно бесконечно. Глубина – вот путь к величию духа.

Толпа глупа. Трезвый разум дан немногим. Хорошее, по-настоящему хорошее не может нравиться всем. То, что нравится всем, не может быть ценно. Всем и каждому не дано понимание тонких вещей, как и владением ими. Настоящее богатство – удел немногих.

Стремление не быть как все похвально, если только не достигается дешевыми способами. Чудаков и клоунов в жизни не уважают. Смотреть и обсуждать могут, но уважать – никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.